

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В
ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Сборник статей памяти
С.И. Семенова

5

Воронеж
2009

ББК 66.3
УДК 323.2
П 50

Редакционная коллегия: проф., д.полит.н А.А. Слинько (пред.), доц., к.и.н. В.И. Сальников (секретарь ред.коллегии), преп., к.и.н. М.В. Кирчанов (сост.)

Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей памяти С.И. Семенова / ред. А.А. Слинько, сост. М.В. Кирчанов. – Воронеж: Факультет международных отношений Воронежского государственного университета, 2009. – Вып. 5. – 89 с.

В настоящий сборник вошли статьи российских, американских и бразильских исследователей, посвященные проблемам политических процессов в современной Латинской Америке, политической динамике в регионе, отношениями между странами Южной Америки и Африки, особенностям развития правого спектра политического поля, гуманитарным и социальным исследованиям в Бразилии.

Латинская Америка – Перу – Бразилия – политические процессы – «правый поворот» – международные отношения – гуманитарные исследования

ББК 66.3
УДК 323.2
П 50

© Авторы, 2009
© Факультет международных отношений ВГУ, 2009
© Воронежское отделение РАИИАМ, 2009
© <http://ejournals.pp.net.ua> 2009

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А.А. Слинько</i> ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В СОВРЕМЕННОМ ПЕРУ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ	4
<i>В.Л. Хейфец, Л.С. Хейфец</i> НАЧАЛО ПРАВОГО РАЗВОРОТА ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ?	9
<i>E. Variani, J.A. Segatto</i> CIÊNCIAS SOCIAIS NO BRASIL: IDEOLOGIA E HISTÓRIA	23
<i>Е.В. Кашкина</i> ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА И АФРИКА	36
<i>M. Ridenti</i> DESENVOLVIMENTISMO: O RETORNO	45
<i>А.В. Даркина</i> ПРОБЛЕМЫ МЕКСИКАНСКОГО УЧАСТИЯ В СЕВЕРОАМЕРИКАНСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ	56
<i>А.В.Погорельский</i> КУБИНСКИЙ ВАРИАНТ РЕВОЛЮЦИОННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ И ЕГО ПЕР- СПЕКТИВЫ	66
<i>М.В. Курчанов</i> ЛЕВЫЕ ТЕОРИИ РАЗВИТИЯ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ СО- ВРЕМЕННОЙ БРАЗИЛИИ	75
<i>Roger P. Davis</i> SYSTEMS AND DYNAMICS OF INDIGENOUS REPRESENTATION	82
<i>Marc Becker</i> COLONIAL POVERTY	86

А.А. Слинко

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В СОВРЕМЕННОМ ПЕРУ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Наибольший размах социально-политических противоречий намечается в современном Перу. Перу изначально обладала достаточно глубокими и традиционно крепкими связями с Испанией как центр вице-королевства, имперская столица Латинской Америки. Здесь всегда ощущался элемент привнесенности извне даже в движении за независимость. Настороженное отношение к либеральным веяниям с Запада хорошо просматривается при внимательном изучении двух Тихоокеанских войн во второй половине XIX века. В первой войне Испания попыталась восстановить колониальное владычество именно путем захвата Перу, где сохранились глубокие проимперские симпатии. После второй войны, проигранной Перу чилийцам, усиливается скептическое отношение к сотрудничеству с Западом, который с точки зрения перуанской элиты встал на сторону врага.

В то же время все вице-королевство, как отлаженная машина эксплуатации индейцев, «зависало» в вакууме анклавной экономики и изоляции от соседей. «Нация индейцев» не признавалась «нацией испанцев». Отсюда проистекала классическая внутренняя слабость и «анемичность» Перу, где все проекты социального возрождения оказывались фантастическими и неразумными. Агония аристократической республики и сивилизма (ее местной разновидности) в 1919 – 1931 гг. привела к возникновению первых серьезных политических планов реальной демократизации страны, ее вывода на мировой экономический и политический уровень. Возникает АПРА – Американский народно-революционный альянс во главе с В.Р. Айя де ла Торре, который попытался объединить общеконтинентальные стремления с национальными идеалами. Идеологи движения, находившиеся под влиянием мексиканской революции, попытались гармонизировать боливаризм (объединение Латинской Америки), антиимпериализм (освобождение зоны Панамского канала) и социализм, добиваясь национализации земли и промышленности.

Ослабление интернационализма в мексиканской элите привело к превращению АПРА в национальную организацию – Перуанскую апристскую партию, которая создала для борьбы с доморощенным каудильизмом и профашистским движением крепкую организацию, сочетавшую легальные и нелегальные методы борьбы. Таким образом, классический консерватизм вице-королевства, опора бюрокра-

тии на старых и новых латифундистов привел к тому, что единственная партия среднего класса оказалась вынужденной заявить о своих интересах и интересах гражданского общества путем террористических актов, восстаний и заговоров.

В стране складывается псевдодвухпартийная система «АПРА-армия». Причем, армия смогла в начале 1950-х годов перехватить модернизаторские проекты оппозиции, воспользовавшись доходами от экспорта продукции горнодобывающей промышленности (железная руда, руды цветных металлов и т.д.). Армия активно выступила как общенациональная сила, ведущая страну к прогрессу. Неомарксистские политико-экономические схемы, традиционная «историческая» оппозиционность к Западу привели к формированию революционаристских тенденций в верхушке армии. В пике правоавторитарному «крену» бразильских военных, генералы в Перу во главе с Х. Веласко Альварадо установили левоавторитарный технократический режим, опиравшийся на «экспортное процветание» и благоприятную внешнеполитическую конъюнктуру.

В этот момент сказался проамериканский крен АПРА, который в 1930-х, а особенно в 1940-х годах повернул к сотрудничеству с США как единственному источнику технологий. При этом АПРА скептически относился к советскому эксперименту реального социализма, рассматривая его как вариант восточной деспотической системы.

Кризис экспортноориентированной революционаристской системы привел к ее падению в 1975 году и формированию переходного правительства во главе с генералом Ф. Моралесом Бермудесом, который солидаризировался с неолиберальными установками, господствовавшими в латиноамериканских элитах в 1970-80-е годы. Партия АПРА достигла компромисса с армией и в 1978-79 гг. была ведущей политической силой Конституционной ассамблеи, сыгравшей главную роль в разработке и принятии новой конституции Перу. Но «слабая демократия» в стране не смогла стабилизировать политическую систему.

В правление десарольистской Народной партии президента Ф. Белаунде Терри (1980 – 1985 гг.) маоистам из организации «Сендеро Луминосо» удалось развязать террористическую войну. В итоге, АПРА пришлось бороться за власть с коалицией разношерстных маргинальных группировок Единство левых сил. Легко победив, АПРА провалила «первый урок», уступив двум неблагоприятным тенденциям: ухудшившейся экспортной конъюнктуре и слабости демократических институтов. Первое правление молодого апристского прези-

дента А. Гарсия (1985 – 1990 гг.) закончилось полным провалом. Свойственная перуанской элите альтернативность нашла свое выражение в «Новой республике» президента А. Фухимори.

Установившийся либерально-авторитарный режим ликвидировал коррумпированную «слабую демократию» и одновременно подавил терроризм. Синтетический вариант неолиберальных реформ вместе с жесткой японской манерой их проведения стабилизировал экономику страны. Как отметил В.А. Ткаченко (посол СССР, России в республике Перу в 1991 – 1997 гг.): «Получив в наследство богатую по природным ресурсам, но практически неуправляемую страну – с хаосом в экономике и реальной угрозой деиндустриализации, растраченной казной, коррумпированным чиновничеством, вопиющей нищетой и бедностью, разгулом терроризма и наркопреступности, - президент путем жесткой политики неолиберальных реформ и решительных мер по наведению порядка, строго следовал провозглашенному им курсу перемен и добился общепризнанных, впечатляющих успехов»¹.

При этом либерально-авторитарный режим добился перевода экономики страны на более качественно высокий уровень. «Стабилизационные программы, дававшие сбои в других государствах, включая Россию, сработали в Перу во многом благодаря последовательному, поэтапному и комплексному подходу в сочетании с глубокими структурными преобразованиями, позволившими сделать важные шаги на пути формирования социально-рыночной экономики. Под руководством А. Фухимори страна за десять лет совершила гигантский рывок вперед, он блестяще справился с ролью «президента-менеджера», «кризисного управляющего». И в этом его несомненная историческая заслуга. Даже в период острейшего внутривнутриполитического кризиса, вынудившего глав государства уйти в отставку, общество, по признанию многих, включая ряд лидеров оппозиции, продолжало находиться в условиях достаточно прочной макроэкономической стабильности»².

В 1992 году А.Фухимори произвел государственный переворот, сломив парламентскую структуру «слабой демократии» и ослабив главные политические силы предыдущего режима. Характерно, что перуанское государство существенно окрепло, а экономическая ситуация – улучшилась. «В условиях одновременно двойного перехода, как то при отсутствии другой альтернативы имело место в Перу, то есть от национализированной – к открытой рыночной экономике, и от урезанной, делегативной, формально представительной – к более продвинутой демократии, осложнения оказались несоизмеримо тя-

желее и менее предсказуемы. Помимо решения огромного количества каждодневных организационно-технических и политических задач нужно было преодолевать ожесточенное сопротивление олигархов, влиятельных партийных и интеллектуальных кругов и их сторонников, не заинтересованных по разным мотивам в модернизации, либо отвергающих предложенные для этого методы. Осуществление реформ оказалось на грани срыва. На карту была поставлена судьба самого государства.

В этот наиболее критический этап переходного периода президенту и его ближайшему окружению не осталось ничего другого, как усилить функции государственного регулирования механизма преобразований для достижения максимальных результатов, тем более, что рынок, сам по себе, как известно, не способен учитывать общенациональные стратегические интересы. Для этого требовалась твердая форма власти, призванная добиться политической и социально-экономической стабилизации и одновременно в процессе транзита к новому состоянию общества развивать и закреплять в нем демократические тенденции. С другой стороны, «мягкий» вариант вряд ли мог быть более успешным, если бы состоялся вообще»³.

Однако либерально-авторитарный «проект Фухимори» в длительной перспективе не сработал. Не было характерной для Японии и других азиатских тигров крепкой патриархальной «вертикали» традиций и связей. Коррупцированная, «хаотичная» система быстро разнесла новый механизм власти, добавив и новый феномен – «главного коррупционера – Монтесиноса – «универсального» солдата, борющегося с терроризмом и создавшего тотальную коррупционную систему своеобразного креольского азиатства»⁴.

А. Фухимори оказался единственным политиком, который смог «достучаться» до индейцев Сьерры, в какой-то степени впервые в истории Перу ему удалось установить национальное единство.

Попытка апристской партии выдвинуть «сочувствующего» индейца А. Толедо (от движения «Возможное Перу») на пост президента, в целом, удалась. А. Толедо расчистил путь возвращению во власть АПРА. При этом «первый индеец» со времен Атауальпы у власти продемонстрировал фантастическую неподготовленность к исполнению первой должности в государстве. Он всегда опаздывал на все мероприятия, зависел во многих своих решениях от жены – американского профессора. При этом относительная стабильность его правления во многом объяснялась наличием у страны экономического потенциала, накопленного А. Фухимори.

С уходом А. Толедо закончился период «мирного сосуществования» индейской Сьерры и креольской Косты. На выборах 2006 года незначительным большинством голосов победил лидер АПРА Алан Гарсия, но почти половину голосов получил О. Умала – именно столько в стране проживает индейцев. Раскол «пополам» во многом объясняется устойчивым имиджем апристской партии как партии белых креолов, имеющей либерально-масонское происхождение, т.е. с активной ориентацией на американский и английский опыт в политике и экономике. Час АПРА настал именно в конце 1970-х годов прошлого столетия, когда в Испании произошли радикальные перемены: авторитарно-фашистская технократическая диктатура сменилась, после ряда политических кризисов, либеральным социализмом, весьма сходным с традиционной идеологией АПРА.

Алан Гарсия в книге «Другое будущее» штудировал опыт «государства автономий», созданного Фелипе Гонсалесом и королем Хуаном Карлосом I. Провинциальная либеральная аристократия Перу (которая всегда сомневалась в необходимости независимости) «воссоединилась» духовно с матерью-родиной». Эти специфические взгляды апристов не понравились военным, которые смогли при Фухимори разгромить «Сендеро Луминосо». Многим националистам смещение Фухимори до сих пор представляется американской интригой, имевшей целью не допустить усиления влияния Японии в Латинской Америке. Во время своего второго президентства А. Гарсия стремился не раскачивать лодку, придерживаясь центристских позиций, при этом он решительно отмежевывается от планов действий «Боливарианской инициативы», оставаясь антиподом Уго Чавеса на международной арене.

¹ Ткаченко В.А. Феномен Фухимори: авторитаризм versus демократия / В.А. Титова. – М., 2002. – С. 171.

² Там же. – С. 171 - 172.

³ Там же. – С. 173.

⁴ Не случайно по аналогии с Пиночетом враги называли А. Фухимори «Чиночетом».

В.Л. Хейфец, Л.С. Хейфец
**НАЧАЛО ПРАВОВОГО РАЗВОРОТА
ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ?**

На протяжении ряда лет эксперты привычно рассуждают о левом повороте в Латинской Америке, анализируя его причины, характер и последствия. Президенты Лула Инасиу да Силва (Бразилия), Рафаэль Корреа (Эквадор), Эво Моралес (Боливия), Уго Чавес (Венесуэла), Табаре Васкес (Уругвай), Нестор Киршнер/Кристина Фернандес (Аргентина), Мишель Бачелет (Чили), Фернандо Луго (Парагвай), сумели – каждый, естественно, по-своему, – интерпретировать народные чаяния в своих государствах, предприняв ряд социальных реформ и активизировав несколько объединительных проектов (МЕРКОСУР, УНАСУР, АЛБА). Не вызывают сомнения прочные позиции левых в ряде государств когда-то «пылающего континента», однако электоральный марафон конца 2009- начала 2010 гг. способен серьезно поколебать позиции левого блока и поставить вопрос о начале если и не правого поворота, то, по крайней мере, о замедлении маятника.

Год начался для левых с серьезной удачей: впервые за всю историю Фронта Национального освобождения Фарабундо Марти его представителю удалось занять пост главы государства – в марте 2009 г. Марио Фунес стал президентом Сальвадора, собрав более половины голосов и закрепив тем самым победу ФНОФМ на парламентских выборах в январе¹.

Однако затем президентская кампания распространилась еще на ряд стран, где ситуация не везде благоприятствует успехам левого лагеря. Эта серия народного волеизъявления стартовала 25 октября президентскими выборами в латиноамериканской Швейцарии – Уругвае и затянется, по крайней мере, до октября 2010 г., когда придет черед голосовать избирателям Бразилии. Жирную точку в этой кампании поставят президентские выборы летом 2012 г. в Мексике.

Да, пожалуй, и промежуточные выборы мексиканского парламента (2009 г.) уже стали тревожным звонком для латиноамериканских левых. При всем своеобразии Мексики и специфичности местной политической ситуации, катастрофические результаты Партии демократической революции и выступивших на этот раз отдельно от нее соратников по левоцентристской коалиции (Партии Труда и Демократической Конвергенции) явно обозначили отступление левых после 2006 г., когда они едва не завоевали президентский пост, со-

хранили позиции в ряде штатов и сформировали крупные фракции в Палате представителей. Если в 2006 г. трехпартийная коалиция сумела получить 156 мест в нижней палате парламента (127, 11 и 18 мандатов, соответственно), то 5 июля 2009 г. им досталось лишь 90 мест (71, 13 и 6, соответственно)².

Серьезнейшая неудача, вызванная в том числе расколом и прежней коалиции и крупнейшей левоцентристской партии – ПДР – привела левых в итоге к пониманию необходимости возобновления альянса и расширения сотрудничества в рамках т.н. Широкого Прогрессивного Фронта. Неясно, однако, насколько эти меры помогут восстановить утраченное доверие со стороны избирателей, тем более, что партнерские отношения базируются на зыбких компромиссах, а ПДР сразу же уточнила, что намерена расстаться с теми активистами, кто выдвигался на выборах не от своей партии, а от ПТ и ДК. Пока прошедшие с лета 2009 г. региональные выборы подтверждают тенденцию электорального отступления левых.

Еще раньше сдвиг вправо произошел в Панаме, где в мае 2009 г. состоялись президентские выборы, принесшие победу Рикардо Мартинелли, пообещавшему в ходе кампании сократить налоги на богатых и активнее сотрудничать с США в сфере внешней политики. Стоит, впрочем, заметить, что и проигравшая выборы кандидат от правившей Партии демократической революции Бальбина Эррера выдвигала ряд неолиберальных лозунгов, хотя и обладала тесными связями с социал-демократическим сектором; внутри ПДР влияние неолиберального сектора в решении экономических вопросов было очень заметным. Правый альянс не только завоевал пост главы государства, но и мэрию столицы – города Панама, а также большинство в 41 депутата (из общего числа 71), тогда как оказавшейся в оппозиции ПДР досталось лишь 24 места³. Другой политический сектор, который с большим основанием может считаться левым, был представлен организацией FRENADESO⁴ (отказавшейся участвовать в выборах – «цирке» правящих классов) и группой, объединившейся вокруг независимого кандидата – профессора экономики Панамского университета Хуана Ховане, поддержанного также Партией Народа (коммунисты) и Партией «Народная Альтернатива». Ему, однако, долго чинили препятствия в выдвижении кандидатуры избирательные комиссии, ссылавшиеся на то, что лишь партии имеют право выдвигать своих представителей на пост президента. За три дня до выборов Верховный суд отменил решение избиркома, но вносить имя Ховане в бюллетень уже оказалось поздно.

Не вызывает сомнений, что Мартинелли намерен выполнять свои предвыборные планы, невзирая на вероятность конфронтации с народными секторами, уже объявившими о намерении защищать свои интересы от правительственных мероприятий. В то же время эти группы недостаточно представлены в структурах власти и им еще лишь предстоит упрочить свои позиции для развертывания действительного сопротивления. Однако, ряд организованных профсоюзов, поддерживавших Ховане, уже декларировали свои планы объединиться с FRENADESO для совместных действий. Серьезным вопросом остается то, сумеют ли эти силы прийти к компромиссу с торрихистской ПДР; для этого последней понадобится размежеваться со своими «историческими союзниками» из числа неолибералов.

На протяжении конца 2009 и в 2010 г. состоялось или состоится избрание глав государств в Гондурасе, Чили, Боливии, Коста-Рике и Колумбии. Но не они, по всей видимости, будут ключевыми для всей кампании. Главными бастионами правого лагеря могут оказаться Чили и Бразилия, управляемые сейчас левыми президентами Лулой Инасиу да Силвой и Мишель Бачелет (соответственно), сохраняющими крайне высокую степень доверия избирателей.

Континент уже оказывался перед дилеммой выбора между левыми и правыми в сразу нескольких странах в конце 2005-декабре 2006 гг. Тогда впервые в истории Боливию возглавил представитель индейского населения – Эво Моралес, а Чили – женщина – Мишель Бачелет. Удалось вернуться к власти бывшему партизанскому лидеру – сандинисту Даниэлю Ортеге, а в Перу президентский пост занял априст Алан Гарсия. В Эквадоре триумфа добился Рафаэль Корреа, построивший свою кампанию на критике Вашингтона и неолиберальных рецептов спасения экономики, а главой Гондураса оказался либерал Мануэль Селайя, вскоре начавший налаживать дружеские отношения с венесуэльским лидером Уго Чавесом. Поворот избирателей в сторону левых был реакцией на неудачи неолиберальной стратегии реформирования латиноамериканских экономик. Новым правительствам действительно удалось серьезно изменить облик континента, добиться экономического роста, более справедливого распределения доходов и обеспечить политическую стабильность в большинстве государств региона. И сказанные «команданте Ча» слова по поводу новой «левой волны» были, пожалуй, близки к истине. Удастся ли левым удержаться на завоеванных не без труда позициях? По всей видимости, далеко не во всех странах.

В Боливии Моралес добился ошеломляющей победы на выборах, собрав более 62% голосов (тогда как еще в октябре за него наме-

ревались голосовать лишь немногим более половины боливийцев), в то время как ближайший соперник президента – экс-военный Манфредо Рейес Вилья, представляющий как раз правый лагерь, отстал от него более, чем на 30%). Поддерживающие первого в Боливии индейца-президента силы добились большинства в обеих палатах парламента (сейчас Сенат контролируется оппозицией, но выборы 6 декабря принесли 25 из 36 мест в верхней палате правящему «Движению к социализму») и тем самым сбалансировали влияние своих противников в восточных богатых департаментах (Санта-Крус, Чикисака, Бени и Тариха), являющихся своеобразным фронтом противодействия многим инициативам главы государства. В нижней палате парламента сторонники Моралеса сохранили большинство, получив 82 из 130 депутатских мест, при этом президентский лагерь сумел увеличить свое присутствие в восточных районах Боливии⁵. По сути дела, правящее Движение к социализму почти повторило свой результат августа 2008 г., когда 67% избирателей проголосовало за доверие президенту Моралесу.

Победа 6 декабря открывает путь к принятию порядка 100 законов, ранее тормозившихся Сенатом. Причины триумфа Моралеса лежат на поверхности – Боливия за четыре года его президентства превратилась в одну из самых динамично развивающихся экономик региона, что недавно признал президент Межамериканского банка развития Л.А.Морено, и избиратели записали это в актив главе государства. Даже в условиях мирового экономического кризиса боливийские власти сумели обеспечить экономический рост (увеличение ВВП на 3% за 2009 г.) и не допустить резкого увеличения безработицы. Валютные резервы страны с 1 млрд. долларов возросли до 8 млрд. Национализация нефтегазовой отрасли сделала возможным перераспределение национальных богатств в интересах самых бедных (и многочисленных!) слоев населения, а именно они – важнейшая часть электората «Движения к социализму». У страны появились деньги на ликвидацию безграмотности и более активную социальную политику.

Начало функционирования новой Законодательной Ассамблеи, избранной в первой декаде декабря 2009 г. теоретически открывает путь к очередному переизбранию Моралеса на президентский пост; сам президент уже высказался на эту тему, указав, что принятие новой Конституции означает, что его пребывание на посту главы государства можно отсчитывать лишь с 2009 г.

В Коста-Рике высока вероятность избрания Лауры Чинчилья, «преемницы» действующего президента социал-демократа Оскара

Ариаса, которая уже сейчас оторвалась от потенциальных соперников на 20 с лишним процентов. Заметим, однако, что и Ариас и Чинчилья являются весьма умеренными левыми, и гораздо более вероятно согласование ими ряда вопросов с позициями США, а не с точками зрения Бразилии или Чили, не говоря уже о чавесовской Венесуэле.

В то же время весьма показательными являются результаты, полученные в первом туре выборов кандидатом правящего Широкого фронта, бывшим партизаном-тупамаро Хосе «Пепе» Мухикой. Он, собрав более 47% голосов, решительно оторвался от соперника – неолиберала и бывшего главы государства Луиса Альберто Лакалье, довольствовавшегося третью голосов избирателей (и это при почти 90-процентной явке!). Однако, второй тур не стал легкой прогулкой для бывшего партизана, ибо оппозиция сразу же сблокировалась, чтобы не допустить победы левых. Мухика сумел сохранить преимущество и во втором туре 29 ноября 2009 г., получив 52,59% (самый лучший результат на президентских выборах в стране, на два процента больше, чем нынешний президент в 2004 г.), но Лакалье существенно прибавил сторонников, и число не определившихся избирателей до последнего момента превышало разрыв между соперниками. Это стало платой за выдвижение радикального кандидата, которого, кстати, не поддерживал нынешний глава государства – крайне популярный Табаре Васкес (также представитель Широкого фронта). Чрезмерный радикализм на какое-то время оттолкнул от правящей коалиции часть среднего класса, столь многочисленного в Монтевидео, и привел недовольных в ряды оппозиции или тех, кто не захотел выбирать ни одного кандидата. Между тем, ШФ было что предъявить избирателям: на протяжении нескольких лет левоцентристы успешно строили социально ориентированную рыночную экономику, исправляя ошибки неолиберальной стратегии правых, но и не отвергая достижений своих предшественников. ВВП Уругвая вырос на 35,4%, увеличение объема экспорта составило 100%, вдвое (до 7%) сократилась безработица, тогда как зарплата стала выше на треть⁶.

Неслучайно между первым и вторым туром Широкий Фронт начал гораздо активнее привлекать к агитационной кампании умеренного политика, Данило Астори, выдвинутого на пост вице-президента в связке с Мухикой. На заключительном этапе к агитации был «привлечен» даже бразильский президент – умеренный левый Лула Инасиу да Силва⁷. Приглашенный в Монтевидео Широким фронтом руководитель отделения Партии Труда в пограничном с

Уругваем штате Рио Гранде до Сул Оливио Дутра, прямо заявил, что глава Бразилии полагает, что второе правительство левых благотворно повлияет на отношения между двумя странами и в регионе в целом; бразильский представитель настойчиво педалировал тему успешного развития интеграционной группировки МЕРКОСУР при правительстве Широкого фронта во главе с Т. Васкесом.

В любом случае, дуэль Мухика-Лакалье может оказать влияние на развитие событий в других латиноамериканских государствах. Очевидно, что структурно предпочтения избирателей сохраняются на прежнем уровне. В 2004 г. Представитель ШФ Т. Васкес занял президентский пост, собрав 50,6% в первом туре голосования (за других кандидатов проголосовали 46%⁸). То, что ШФ в целом управлял успешно, не могло пройти мимо внимания избирателей. Кроме того, Национальная партия не продемонстрировала реальную альтернативу левым, наоборот, выставила лично скомпрометированного политика – Лакалье. По всей видимости, обещания Лакалье пересмотреть масштабы интеграции Уругвая в МЕРКОСУР также стали фактором его поражения: немалое число уругвайцев, работающих в Аргентине, голосовали 29 ноября, и сокращение участия своей страны в региональной интеграционной группе им явно не было на руку.

Конечно, неправильно говорить об эффекте «домино» в рамках текущей политической и социально-экономической ситуации в Латинской Америке. И кардинально картина предпочтений избирателей не изменится от состоявшейся победы Х. Мухики в Уругвае. Но на неопределившихся избирателей повлиять она может. Реально результат представляет собой выбор между сохранением у власти представителей левого лагеря (при этом Мухика уже подчеркнул, что предпочитает линию умеренного левого Лулы, нежели чем радикально антиимпериалистическую риторику Чавеса⁹) или усилением проамериканского блока Колумбия-Перу (с оговорками)-Панама-Гондурас (тоже с оговорками). А это – довольно важно.

Весьма сложная ситуация для левых складывается в Бразилии и Чили, политический вес которых в регионе огромен.

Декабрьские выборы 2009 г. в Чили станут первыми со времени смерти бывшего диктатора Аугусто Пиночета Угарте; они также оказались первой избирательной кампанией, в которой все соперники, в том числе крупный предприниматель Себастьян Пиньера – возглавляющий правый лагерь, не голосовали за пиночетовские поправки в Конституцию на референдуме 1988 г. Неизменно выигрывавшая выборы левоцентристская коалиция «Concertación por la democracia» (Объединение за демократию) успешно манипулировала своей анти-

пиночетовской позицией и обыгрывала факт близости правых с диктатурой. Но сегодня этот козырь утерян, хотя в окружении Пиньеры действительно немало пиночетистов. Правящая «Консертасьон» может зачесть себе в актив успешный рост экономики – лучший в Латинской Америке за последние два десятилетия, демократическую стабилизацию страны, явные (хотя и недостаточные) улучшения в системе распределения доходов населения, резкое сокращение числа бедных, а также увеличение престижа Чили в международном сообществе.

Однако кандидат от правящей группировки, бывший президент Эдуардо Фрей Руис-Тагле¹⁰, является откровенно слабым выдвиженцем. Кроме того, несмотря на экономические успехи по сравнению с соседями, Чили все же тоже оказалась задета кризисом, да и бедность не удалось искоренить (согласно исследованиям Мирового банка, 10% наиболее бедных чилийцев пользуются лишь 1,3% доходов страны, тогда как 10% самых богатых – 40 процентами), и это повлияло на стремление избирателей к переменам. На этом фоне кулуарный характер определения кандидата «Консертасьон» на выборах спровоцировал резкий рост популярности анти-системного кандидата, за которым не стоит партийная бюрократия, но который может рассчитывать на множество активистов правящей коалиции и на настроения против истеблишмента. На третьем месте, и на протяжении нескольких недель предвыборной кампании – весьма близко к Фрею, расположился независимый представитель левых Марко Энрикес-Оминами, сын погибшего в 1975 г. лидера Левого Революционного движения (MIR). Задолго до даты голосования стало ясно, что предприниматель Пиньеры, поддержанный Коалицией за перемены (возглавляемой его собственной партией «Национальное Обновление» и Независимым Демократическим союзом), обладал высокими шансами не только на легкий выход во второй тур, но и с высокой долей вероятности, на победу, одержанную во втором туре над Фреем¹¹.

Энрикес-Оминами в случае своего виртуального выхода во второй тур также уступал Пиньере, но, по оценкам экспертов, мог выступить в нем удачнее Фрея. При этом дискурс независимого левого достаточно радикален: он жестко критикует коррупцию в рядах правящей коалиции, высказался за разрешение гомосексуальных браков, в поддержку права на аборт и идеи частичной приватизации ряда государственных предприятий. О причинах такого политического расклада еще можно и нужно много говорить, но одна из важнейших его причин уже сейчас точно подмечена аналитиком Патрисио Навиа: «Консертасьон слишком много оглядывается назад, гораздо больше,

нежели чем смотрит вперед, и именно это мешает ей набирать голоса». Ему вторит посол Чили в ООН Эральдо Муньос: «Лица вокруг все те же, а надо придать импульс обновлению руководства партий Консертасьон. Иногда люди устают наблюдать одних и тех же людей. Идеи и политику можно обновлять. Конечно, если политика успешна, абсурдно менять ее, надо просто углубить ее»¹². На протяжении всех последних лет успех «Консертасьон» (а в ее рамках двукратное избрание президентами левых – Рикардо Лагоса и Мишель Бачелет) было обусловлено, среди прочего, фактором монолитности блока на всех выборах. Но уже давно внутри коалиции возникли трения между партиями, смерть Пиночета и упрочение демократической стабильности сократило число политических совпадений во взглядах социалистов и демохристиан, точки зрения которых на образование, проблему аборт, экономику и ряд иных вопросов различны.

Постепенное отступление правящего объединения социалистов, демохристиан и ряда других партий началось еще в 2008 г. На муниципальных выборах правый Альянс за Чили собрал 40,6% против 28,7% у Консертасьон (и даже если добавить к процентам коалиции голоса крайне левых – коммунистов и гуманистической партии – 6,4%, правый лагерь получил явно больше симпатий избирателей). Кандидаты Альянса сохранили за собой или получили в свои руки управление столицей, Вальпараисо, Консепсьоном, Винья дель Мар – важнейшими чилийскими городами; только в Майпу удалось удержаться у власти мэру-демохристианину. Между тем, стоит обратить внимание на все усложняющуюся для левоцентристской коалиции картину на президентских выборах. Если в 1990 и 1994 гг. П.Эйлвин и Э.Фрей получили больше 50% голосов (а Фрей – почти 58%!), то уже Лагос и Бачелет добились победы лишь во втором туре. При этом результат последней был ниже совокупного результата правых кандидатов, и лишь поддержка, полученная социалистами во втором туре со стороны крайне левых, позволила СПЧ получить президентский пост повторно. Если проанализировать проценты партий «Консертасьон» по отдельности, картина становится еще сложнее: так, ХДП на парламентских выборах получила 20,76% (20 мест), что обеспечило ей второе место, тогда как правая партия Независимый демократический союз – 22,36% (33 депутата); на муниципальных выборах 2008 г. – за НДС проголосовали 19,98%, за ХДП – 18%, доля голосов за СПЧ упала до 9,3%¹³.

Попытки левого лагеря – как официального, так и оппозиционного, найти общий язык накануне голосования 13 декабря не увенчались успехом. Инициатором соглашения между левыми выступил

бывший министр Хорхе Аррате, поддержанный компартией и рядом мелких организаций, и собиравший по социологическим опросам примерно 5%. Жестким ответом стало заявление Энрикеса-Оминами: «Голосовать за Аррате – значит, голосовать за Фрея, а голосовать за Фрея – значит, голосовать за Пиньеру»; молодой амбициозный политик предложил избирателям выбирать между «лидерами будущего и прошлого», явно делая ставку на победу в первом туре.

Итоги первого тура оказались довольно предсказуемы: Пиньера аккумулировал 44% голосов, но не сумел набрать требуемого законом большинства в 50% плюс один голос, что означает необходимость повторного голосования (оно состоится 17 января). Во втором туре кандидату от правого лагеря предстоит бороться с Фреем, который довольно сильно отстал от него, набрав около 30%. Энрикес-Оминами, довольно быстро набиравший политический капитал, оказался лишь третьим, не выйдя за планку в 20%, а альендист Аррате сумел заручиться поддержкой почти 6% избирателей. Главным вопросом между двумя турами станет то, кому отойдут голоса Энрикеса-Оминами. И если поддержка сторонников Аррате Фрею почти гарантирована, это не позволяет кандидату «Консертасьон» даже догнать Пиньеру. Лишь масштабное голосование избирателей бывшего социалиста, а ныне независимого кандидата, за Фрея может спасти правящую коалицию от почти неизбежного поражения. В то же время и Пиньера выбрал практически все голоса правого лагеря (интересно, что хотя «Консертасьон» получила меньше голосов, чем ранее, на парламентских выборах, она опередила правых: 44,63% против 43,42% у «Альянса за Чили»; при этом проиграл парламентские выборы бывший кандидат правых в президенты Хоакин Лавин). Важно и то, что Пиньера получил меньше голосов, чем Лавин во втором туре выборов в 2000 г. и меньше голосов, чем он сам и Лавин в первом туре прошлых выборов (в обоих случаях это было 48%), и он также нуждается в привлечении новых сторонников. Эксперты предполагают, что не менее трети проголосовавших за Энрикеса-Оминами могут поддержать во втором туре оппозиционера, ибо они голосовали не столько за независимый левый центр, сколько за перемены. Ключ к перелому ситуации – в руках «Консертасьон»: для привлечения разочарованных левых и независимых на свою сторону, необходимо продемонстрировать реальную готовность к переменам, причем сделать это искусно, не оттолкнув собственных умеренных избирателей. Насколько коалиция готова к этому, пока неясно. Понятно лишь, что ее ждут нелегкие времена, и она оказывается на грани развала.

Похожая с Чили ситуация пока наблюдается и в Бразилии. Самый популярный в истории страны президент – бывший профсоюзный лидер Лула – не исключено, ошибся с выбором преемника. Харизмы и авторитета президента пока не хватает, чтобы обеспечить триумф бывшей партизанке Дилме Русефф, занимающей сейчас министерский пост. Она почти на 20 процентов уступает, согласно данным опросов, кандидату от оппозиции Жозе Серра, губернатору штата Сан-Паулу. Серра, выдвинутый партией бразильской социал-демократии (несмотря на название, данная структура является правой), собирает пока около 40 процентов потенциальных симпатий избирателей¹⁴. Однопартиец бывшего президента Фернандо Энрике Кардозу обладает опытом участия в выборах – именно его победил в 2002 г. Лула. Подобная ситуация уже вызвала среди некоторых активистов Партии труда требование добиться права на переизбрание безусловного руководителя партии на третий срок, но такую возможность категорически отвергает сам Лула.

Как объяснить этот феномен? Высокая степень популярности левых президентов и вполне успешное функционирование экономики Чили и Бразилии, но, несмотря на это, практически неизбежная победа правых? На самом деле все не так однозначно и просто. Во-первых, в обоих государствах достигнута высокая степень политической стабильности и общественные настроения делают маловероятным триумф радикально настроенных правых, которые взяли бы за полный пересмотр социальных начинаний левых. Умеренная оппозиция шансами на успех обладает, но именно умеренная и довольно четко отмежевывающаяся от продиктаторских сил и откровенного неолиберализма. Вышеупомянутый Серра, безусловно, располагается в гораздо более правой части политического спектра по сравнению с Лулой. Но и до бывшего президента Коллора ди Мелу ему явно далеко. То же самое касается и чилийца Пиньеры. Его избрание не столько станет резким разворотом вправо, сколько будет означать консолидацию умеренных сил и осторожный сдвиг от лево- к правоцентризму. Но в целом политическая панорама Чили усложнится. Так, наряду с успехом Пиньеры и ослаблением «Консертасьон» заметен существенный разворот части избирателей из левого центра налево – впервые со времени переворота 1973 г. в составе Палаты Депутатов появятся трое коммунистов, а поддержанный компартией Х.Аррате набрал более 6% голосов¹⁵.

В то же время серьезная опасность в поправении Чили есть. В стране по-прежнему заметно «наследие» бывшего диктатора А.Пиночета – и в социальной жизни, и, конечно же, в политике. Зна-

чительная часть правого лагеря до сих пор не признала своей доли вины за произошедший в 1973 г. военный переворот. Некоторые политики, как, например, мэр Сантьяго в 2000-2004 гг. Х. Лавин, заявили, что поддержка Пиночета была ошибкой, но многие другие этого так и не сделали. Пиньера, как отмечено выше, относится к умеренной части правого политического спектра, однако уже сейчас многие эксперты склонны считать, что он, как минимум, прекратит или затормозит судебные процессы против арестованных военных, участвовавших в преступлениях времен диктатуры¹⁶.

Особым случаем оказывается Гондурас, где летом был смещен со своего поста в результате фактически осуществленного переворота Мануэль Селайя. Несмотря на почти единодушный отказ в поддержке путчистам со стороны ОАГ и руководства стран Латинской Америки, действующее правительство Роберто Мичелетти (однопартийца Селайи) сделало ставку на проведение выборов любой ценой. Переговоры, неоднократно начинавшиеся при помощи различных посредников, регулярно срывались. Избирательная кампания стартовала и голосование 29 ноября состоялось, хотя до сих пор значительная часть мирового сообщества так и не признала его результатов. Вне зависимости от этого, поворот Гондураса в обратном направлении можно видеть уже сейчас – большинство кандидатов сознательно дистанцировались от Селайи, хотя в целом опросы общественного мнения демонстрируют осуждение путчистов, а часть либералов (включая Маргариту Ривас Селайя – кандидата на пост вице-президента от ЛП) сняла свои кандидатуры с выборов, считая их нелегитимными. Даже часть левых (партия «Демократическое объединение Гондураса» во главе с Сесаром Хамом) не последовала призыву смещенного главы государства и Национального фронта сопротивления против государственного переворота 28 июня бойкотировать выборы и – сохраняя лозунг возвращения Селайи – приняла участие в электоральной кампании. Проголосовали более 62% населения (по официальным данным; на 15% больше, чем во время выборов 2005 г.), а победителем оказался консерватор Порфирио Лобо (его-то и обошел Селайя на прошлых выборах), который сразу же жестко потребовал от главы Венесуэлы У.Чавеса «не совать нос в гондурасские дела»¹⁷. Лобо в молодости состоял в компартии и даже ездил учиться в СССР, но, по всей видимости, с «ошибками молодости» он покончил, уйдя в бизнес. Его обещание создать «правительство национального единства» вряд ли стоит рассматривать как реальную попытку примирения с селайистскими секторами населения и тем более с левыми. 2 декабря 2009 г. – как и следовало ожидать – конгресс Гонду-

раса отверг 111 голосами против 14 план возвращения свергнутого главы президента для управления страной на время до вступления в должность Лобо (и партия Лобо сразу же объявила, что не намерена поддерживать Селайю в этом вопросе). Эта центральноамериканская страна явно выпадет из числа союзников чавесовской Венесуэлы, даже если ее формальный выход из ALBA и не состоится.

Гондурасский случай важен, впрочем, не этим, а тем, что после многих лет демократической смены власти в латиноамериканских государствах, создан прецедент силового смещения президента (вне зависимости от предлога). Он оживляет «призраки» военных диктатур и придает уверенности тем, кто готов воспрепятствовать деятельности левых во власти даже путем нарушения демократических процедур. А в том, что желающие пойти по этому пути, который, казалось бы, стал достоянием истории, сомневаться не приходится – жив в памяти пример с попыткой переворота в Венесуэле, постоянно циркулируют слухи о подготовке к свержению парагвайского президента Ф.Луго и т.п. Двойственная позиция США, которые формально поддерживали Селайю, но не предприняли практически никаких шагов к его восстановлению в должности, играет на руку таким недемократическим силам. И подобный правый переворот – в отличие от возможной победы правых кандидатов на выборах – гораздо более серьезная опасность для Латинской Америки.

Еще один шаг, по сути, вправо – это появление возможности переизбрания на президентский пост в тех странах, где ее ранее не было – к чавесовской Венесуэле в 2009 г. присоединились по этому вопросу Боливия, а также Никарагуа. В Никарагуа в ноябре 2009 г. протесты (под лозунгом «Всемирным фронтом против [Сандинистского] Фронта») против намерений главы государства – сандиниста Д.Ортеги баллотироваться на новый срок в 2011 году были массовыми, но пока что не изменили ситуации¹⁸. И дело даже не в том, что планы сандинистов вызывают отторжение как у правой части политического спектра, так и у левоцентристского Движения Обновления сандинизма (среди активистов и руководителей которого немало бывших участников СФНО). И не в том, что бывшие «контрас» открыто пригрозили возобновлением боевых действий и началом гражданской войны в случае, «если Ортега не откажется от своих злоупотреблений и амбиций»¹⁹. На протяжении длительного исторического времени левые идеи были, в том числе, символом антидиктаторского обновления, сопротивление левых «режимам горилл» было одним из факторов падения одной диктатуры за другой. Если сегодня левые политические силы готовы отказываться от важнейшего демократического

принципа – сменяемости власти – ради того, чтобы любой ценой остаться у руля управления страной, возникает вопрос – а насколько левым являлся прежний «левый» поворот?

¹ Впрочем, на тех же выборах ФНОФМ потерял кресло мэра города Сан-Сальвадор, находившееся в его руках 12 лет.

² Crisis en la izquierda mexicana debe enfrentarse: Enrique Bautista. - Reportedigital.com.mx (26/10 11:52). - <http://www.reportedigital.com.mx/noticias/politica/16799.html>

³ Gandásegui M.A. (hijo). Martinelli y el giro a la derecha en Panamá. - http://www.visionesalternativas.com/index.php?option=com_content&task=view&id=43945&Itemid=9

⁴ В состав FRENADESO входят влиятельный профсоюз строителей, студенческие объединения, ассоциация школьных учителей и ряд других организаций.

⁵ El MAS logra el poder absoluto y la autonomía el aval nacional // http://www.la-razon.com/versiones/20091207_006934/nota_249_920691.htm

⁶ Дабагян Э. Широкий фронт против объединенной оппозиции. - <http://www.polit.ru/analytics/2009/11/05/urug.html>

⁷ Lula vería positiva continuidad izquierda en Uruguay: dirigente. - Invertia. Últimas Noticias Lunes, 23 de Noviembre de 2009, 12:33hs Fuente: Reuters. -

http://ve.invertia.com/noticias/noticia.aspx?idNoticia=200911231703_RTI_1258995836nN23258765

⁸ Psetizki V. Uruguay: ¿Es Mujica derrotable? -

http://www.bbc.co.uk/mundo/america_latina/2009/11/091120_1550_mujica_elecciones_sao.shtml

⁹ Bastenier M. A. Un tupamaro de la tercera edad. El País (Madrid). 28 de octubre de 2009. -

http://www.elpais.com/articulo/internacional/tupamaro/tercera/edad/elpepiint/20091028elpepiint_9/Tes

¹⁰ Сын президента Чили (1964-1970 гг.) от Христианско-демократической партии Эдуардо Фрея Монтальва.

¹¹ Castañeda J. ¿Un independiente en la presidencia de Chile? // El País (Madrid). 17 de noviembre de 2009. -

http://www.elpais.com/articulo/opinion/independiente/presidencia/Chile/elpepiopi/20091117elpepiopi_4/Tes

¹² Marco, el conquistador // Semana (Bogotá). Octubre 28 Noviembre 2 de 2009. P.60; См., например, Muñoz H.

“La derecha de Chile aún no ha entonado el mea culpa” // El País (Madrid). 17 de noviembre de 2009. -

http://www.elpais.com/articulo/internacional/derecha/Chile/ha/entonado/mea/culpa/elpepiint/20091117elpepiint_7/Tes

¹³ Fernández Barbadillo P. ¿Próximo giro a la derecha en Chile? // Diario de América. 21 de abril de 2009. -

<http://independent.typepad.com/elindependent/2009/04/próximo-giro-a-la-derecha-en-chile.html>

¹⁴ Явной попыткой переломить ситуацию стало анонсирование планов выдвижения кандидатом на пост вице-президента в связке с Дилмой Руссеф главы Центробанка Бразилии Энрике Мейрелеша, предложенного на Партией Бразильского демократического движения (крупнейшей в стране и входящей в правящую коалицию в парламенте). Мейрелеш был активистом Партии бразильской социал-демократии, но в октябре вышел из ее рядов и вступил в ПБДД. Таким образом Руссеф, начавшая понемногу сокращать разрыв с Серрой, пытается перетянуть часть его электората, предлагая голосовать не только за нее, но и за человека, пользующегося репутацией грамотного финансиста и умеренного политика.

¹⁵ Resultados de candidatos al Congreso // La Nación (Santiago de Chile), versión electrónica. -

http://www.lanacion.cl/noticias/site/artic/20091213/asocfile/20091213214339/resultados_elecciones_2009.pdf

¹⁶ Muñoz H. Op. Cit.

¹⁷ Chávez y Zelaya 'los grandes perdedores' // Notimex. 5 de Diciembre de 2009. -

<http://www.univision.com/content/content.jhtml?chid=3&schid=181&secid=0&cid=2195594>

¹⁸ Fuerzas de derecha protestan contra reelección de Ortega en Nicaragua // La Jornada (México). 21 de noviembre de 2009.

¹⁹ Resistencia y MRS marcharán juntos // El Nuevo Diario (Managua). 20 de noviembre de 2009.

E. Bariani, J.A. Segatto
**CIÊNCIAS SOCIAIS NO BRASIL:
IDEOLOGIA E HISTÓRIA***

Elaborações intelectuais que virão a constituir um pensamento social e político e, mais tarde, as ciências sociais no Brasil podem ser delimitadas historicamente na segunda metade do século XIX. Embora haja um certo consenso quanto ao surgimento de obras e autores que pensaram a sociedade brasileira, existem controvérsias sobre seus marcos e momentos decisivos, que definem seu valor sociológico ou seu caráter científico de interpretação social.

Embora avessos ao pretense compartimento e especialização das ciências sociais em disciplinas particulares, construção claramente frágil, ocupar-nos-emos aqui em especial com a sociologia, devido ao caráter representativo, se não emblemático, que possui no quadro da formação das ciências sociais no Brasil. Até pelo menos os anos de 1960, não havia uma distinção nítida entre a Sociologia e demais ciências sociais, ou, quando havia, era muito tênue; a Sociologia predominava e se sobrepunha à Ciência Política e até mesmo à Antropologia, chegando a confundir-se, muitas vezes, com a Economia Política e a História.

Delimitação histórica

Várias foram as tentativas de esboçar um quadro das ciências sociais e ideias sociológicas no Brasil. Em uma das primeiras tentativas de sistematização, Almir de Andrade (1941) projetou um esboço da formação da sociologia brasileira em uma obra interrompida, proposta para mais de um volume e que nunca ultrapassou o primeiro — sobre os primeiros estudos sociais (cronistas, historiadores) desde os primórdios da colônia até o século XVIII. Já Bastide (1947), abordando a sociologia brasileira no contexto de uma “sociologia da América Latina”, embora condene o exercício de simples importação de modelos, demonstra otimismo — sem continuadores — nas possibilidades de desenvolvimento de um pensamento sociológico fecundo e original, lapidado no estudo de temas e problemas próprios.

Os balanços da sociologia no Brasil que emergem nos anos 1950 são frutos de uma disciplina que se institucionalizava, buscava consolidação metodológica e, sobretudo, prestígio e influência — se não prerrogativa — na explicação social do país. Com a criação, nos anos 1930, da Universidade, das faculdades e cursos de Ciências Sociais (na Escola Livre de Sociologia e Política, em 1933; na Universidade de São Paulo, na cidade de São Paulo, e na Universidade do Distrito Federal, no Rio de Janeiro, ambos em 1934), bem como da primeira revista estritamente acadêmica da área (Sociologia, da Escola Livre de Sociologia e Política,

por iniciativa de Emilio Willems) afluirá a ideia de que, naqueles anos 1930, está o marco inicial da produção científica, e de que a institucionalização é o processo por excelência do amadurecimento e desenvolvimento das ciências sociais (e da sociologia) no Brasil [1]. Tal avaliação é expressa por Djacir Menezes (1956) e também por Costa Pinto e Edison Carneiro (1955), estes últimos elaboradores de um balanço institucional e temático da produção sociológica brasileira [2]. Compartilha também desse ponto de vista Pinto Ferreira (1958a; 1958b), segundo o qual as ciências sociais tomaram rumo “impressionante” e os estudos sociais adquiriram tom científico e construtivo somente após 1930, dando início à “fase moderna da sociologia brasileira”.

De modo análogo, Fernando de Azevedo (1973, p. 317), em apêndice inicialmente publicado em 1954 à 6ª edição de seu compêndio (publicado originalmente em 1935), analisa a questão da criação da sociologia na América Latina e, particularmente, no Brasil, conferindo-lhe três fases: uma primeira fase, anterior ao ensino e à pesquisa, na qual as obras são “antes literárias e históricas que sociológicas”, estendendo-se da segunda metade do século XIX até 1928; uma segunda fase de introdução do ensino de Sociologia nas escolas do país, de 1928 a 1935; e finalmente, a da associação do ensino e da pesquisa nas atividades universitárias após 1936.

Florestan Fernandes (1958, p. 190), de modo semelhante, segue tal curso ao indicar três épocas de desenvolvimento da reflexão social no Brasil: 1ª) desde o terceiro quartel do século XIX, na qual tal reflexão é usada como recurso parcial de explicação e dependente de outros instrumentos; 2ª) no primeiro quartel do século XX, na qual predomina o uso dessa reflexão como forma de consciência e explicação das condições histórico-sociais de existência; e 3ª) enraizada no segundo quartel do século XX e que só então (nos anos 1950) começa a se configurar plenamente, quando vige a subordinação do labor intelectual aos padrões de trabalho científico sistemático por meio da investigação empírico-indutiva [3]. Afirma que, tanto a “transformação da análise histórico-sociológica em investigação positiva”, como a “introdução da pesquisa de campo como recurso sistemático de trabalho”, poderiam situar “historicamente a fase em que, no Brasil, a Sociologia se torna disciplina propriamente científica” (FERNANDES, 1958, p. 203).

A busca da originalidade e distinção nacional da sociologia brasileira será perseguida por Guerreiro Ramos (1953; 1957; 1958), que, por crer numa anterior existência da sociologia brasileira como saber “em ato”, inicia uma ampla revisão que acabará por permear toda a sua obra; para ele, a existência de uma produção sociológica no Brasil advém dos trabalhos de Tobias Barreto, Silvio Romero, Euclides da Cunha, Alberto Torres, etc. (RAMOS, 1953, p. 11-2). Para dar conta das diferenças qualitativas (e das formas de comprometimento e intervenção na realidade nacional) entre as interpretações anteriores e as (então) atuais, Guerreiro Ramos diferenciava a “sociologia em hábito”, exercida por treinamento

específico, por vezes livresco e repetitivo, da “sociologia em ato”, efetivada por meio da capacitação e comprometimento como saber criador e de intervenção. E acrescentava: “sempre houve ciência social no Brasil, entendida como saber em ato” (RAMOS, 1980, p. 540).

A preocupação com a recuperação histórica de nomes e contribuições para a gênese da sociologia no Brasil norteia o trabalho de Antonio Candido (1964), redigido em 1956 e publicado originalmente em 1959. Nele, resgata a produção sociológica desde o final do século XIX até os anos 1950, com acurado senso histórico, sem pretensões de contestação anacrônica das explicações da vida social com base num instrumental posterior e pretensamente científico. Para o autor, dois períodos podem ser definidos nessa evolução: 1º de 1880 a 1940, quando é praticada por intelectuais não especializados, com um período intermédio de 1930 a 1940, de transição para a especialização por meio do ensino secundário e superior; e 2º após 1940, com a consolidação e generalização da sociologia como atividade socialmente reconhecida, quadros universitários com formação específica e uma produção regular no campo da teoria, pesquisa e aplicação (CANDIDO, 1964, p. 2107). Também Ianni (1989; 1996; 2004) reconhece a contribuição dos pensadores do século XIX, entretanto, assevera que, até os anos 1930, quando vinga uma sociologia científica no Brasil, a produção sociológica está comprometida com preocupações morais, filosóficas, jurídicas ou programáticas, e pouco comprometida com as exigências lógicas e metodológicas da análise científica (IANNI, 1989, p. 86). Chacon (1977, 2008), por sua vez, localiza a formação das ciências sociais no Brasil a partir da segunda metade do século XIX, concedendo importante papel à Escola de Recife e seus autores.

Já Oracy Nogueira (1981) identifica quatro fases no desenvolvimento das ideias sociológicas no Brasil: 1ª) recepção (1840-1870); 2ª) incorporação de teorias e conceitos aos discursos de políticos e intelectuais (1870-1889); 3ª) transição, com o advento das primeiras pesquisas empíricas, ensino e presença de autodidatas; 4ª) consolidação, com os primeiros cursos e especialistas no assunto em nível universitário (1930 em diante), subdividida em duas subfases: 4a) formação da comunidade dos sociólogos (1930-1964) e 4b) predomínio dos sociólogos com formação sistemática (1964 em diante).

Elide Rugai Bastos (1998, p. 146), incorporando a noção de sistema utilizado por Antonio Cândido para explicar a formação da literatura brasileira, localiza o início do processo de institucionalização da sociologia nos anos 1930, com a obra *Casa grande e senzala*, de Gilberto Freyre, que representaria “um ponto de inflexão, o fechamento de um ciclo: marca o momento em que a teoria social deixa de se apresentar como manifestação dispersa e surge como um sistema: a sociologia”. Esse fato ilustraria “o abandono do discurso jurídico” e a “incorporação do discurso sociológico”, de forma que a “metamorfose do jurídico ao sociológico é o componente fundamental do processo de

institucionalização das Ciências Sociais no Brasil [...]”. Já Renato Ortiz (2002, p. 182-3) delimita esse processo na emergência da geração de sociólogos uspianos na década de 1940, quando a sociologia emerge como “ciência”, ou no momento em que o trabalho intelectual passa a ser pautado por premissas que Florestan Fernandes define como “normas, valores e ideais do saber científico”. Isso teria significado “uma ruptura em relação ao senso comum, o discurso dos juristas, jornalistas e críticos literários” por um lado, e, por outro, “um distanciamento em relação à aplicação imediata do método sociológico para a resolução dos problemas sociais: uma crítica de sua utilidade”. Autores mais recentes também se ocuparam da periodização da sociologia no Brasil (LIEDKE FILHO, 2005) [4], do estudo dos primeiros manuais de ensino aqui produzidos quando da institucionalização da sociologia (MEUCCI, 2000), de debates intelectuais relevantes (GUANABARA, 1992) e da disputa pelos rumos da sociologia (BARIANI, 2003). Trabalhos de maior envergadura têm sido feitos nos últimos trinta anos, mas, ainda assim, a temática da periodização da sociologia no Brasil tem sido posta em segundo plano, sendo valorizada a abordagem ideológica — em termos de método — de autores significativos (SANTOS, 1978) e a pesquisa dos fundamentos sociais da produção sociológica, ao modo de uma “sociologia da sociologia” (IANNI, 1989, 2004) [5].

Uma iniciativa de vulto foi a organização de uma História das ciências sociais no Brasil (MICELI, 1989a; 1995), que reuniu diversos autores na abordagem de aspectos relacionados à constituição e institucionalização das ciências sociais (e, logo, da sociologia) no país. O amplo painel ilumina várias particularidades da vida acadêmica e das circunstâncias de produção intelectual, empreende uma sociologia da ciência, das instituições, dos intelectuais e até da clientela, mas não se detém na gênese, na sistematização, na articulação e no desenvolvimento histórico das ideias sociais e seus respectivos autores. Todavia, tal iniciativa coroou o predomínio das interpretações a respeito do desenvolvimento das ciências sociais no Brasil a partir de seu processo de institucionalização. Assim, segundo Miceli, entre 1930 e 1964, “o desenvolvimento institucional e intelectual das Ciências Sociais no Brasil esteve estreitamente vinculado aos avanços da organização universitária e à disponibilidade de recursos governamentais para a criação de centros independentes de reflexão e investigação” (MICELI, 1985b, p. 12).

Em meio às disputas quanto à origem e evolução das ciências sociais no Brasil, as interpretações baseadas na institucionalização como fator preponderante em seu desenvolvimento tornaram-se hegemônicas. A despeito das diferenças (mais de grau que de modo) e do gradiente de intensidade do processo na caracterização dos vários autores, a institucionalização tornou-se não apenas marco do nascimento das ciências sociais no Brasil, mas também chave explicativa e, no limite, critério de valorização e até mesmo de legitimação das interpretações

sociais. Outrossim, o que estaria implicado na ideia de institucionalização, malgrado suas diversas formulações?

Institucionalização

As interpretações que consideram a institucionalização como marco inicial ou ponto de mutação das ciências sociais no Brasil, em geral, compreendem alguns elementos comuns ou frequentes que, para efeito de análise, consideraremos como uma construção conceitual tipológica. Desse modo, consideramos a presença de parte ou da totalidade dos elementos mencionados, em concepções aproximadas, convergentes ou relativa e pouco significativamente distintas sobre a institucionalização, acentuando unilateralmente algumas de suas características no sentido de conferir certa coesão ao objeto. Tais elementos compreendem uma noção da sociologia como ciência empírico-indutiva, no rigor metodológico e um elevado padrão de trabalho científico, o distanciamento em relação a valores, a integração entre ensino e pesquisa, o funcionamento regular de formas de pós-graduação, financiamento à pesquisa, divisão do trabalho, quantidade e estabilidade da atuação, mormente em regime integral numa comunidade marcada pelo ethos acadêmico e por meios próprios de hierarquização, legitimação e divulgação/controlado da produção [6].

Nos trabalhos precursores dessa interpretação, há alguma preocupação em atar ou relacionar (e raramente explicar) a criação da ciência social por meio de um processo de construção que contemplasse os estágios ou conquistas anteriores. Entretanto, nas formulações desse tipo mais recentes, faz-se praticamente tabula rasa do passado: relega-se o processo de formação das ciências sociais e sua criação é quase um ato de demiurgia. Um corte abrupto, em geral localizado nos anos 1930, mais especificamente nos anos 1950, separa o período anterior (definido como ensaístico) do período posterior, marcado pelo advento da ciência.

Wanderley Guilherme dos Santos (1967, p. 185-6) chama a atenção para o critério utilizado por Florestan Fernandes, Fernando de Azevedo e Djacir Menezes para periodizar a história do pensamento político-social brasileiro, segundo as etapas de institucionalização científico-social, como divisores entre os períodos pré-científico e científico da produção intelectual no Brasil. O período científico das Ciências Sociais teria início “com a criação de cursos superiores, importação de professores estrangeiros e a introdução das técnicas de investigação de campo”. Acontecimentos verificados no segundo quartel do século XX. Até esse momento “produziram-se ensaios sobre temas sociais, a partir de então produziu-se ciência”. Nessa perspectiva, “qualquer que tenha sido a quantidade ou qualidade da produção do primeiro período ela é irrelevante para o progresso da ciência...”. Obviamente que nesses critérios não caberiam autores e obras elaboradas no período denominado pré-científico, como também aquelas produzidas no período pós-1930, por

autores como: Oliveira Vianna, Gilberto Freyre, Caio Prado Jr., Sérgio Buarque de Holanda, Victor Nunes Leal, Raymundo Faoro, Nelson Werneck Sodr , Celso Furtado, Jacob Gorender, Hermes Lima, H lio Jaguaribe, Guerreiro Ramos,  lvaro Vieira Pinto, Otto Maria Carpeaux, Jos  Hon rio Rodrigues, Afonso Arinos, Josu  de Castro, M. Cavalcanti Proen a, Anatol Rosenfeld, s  para citar alguns.

Tal ci ncia social obt m estatuto cient fico a partir de sua caracteriza o como fundada em bases emp ricas e indutivas, uma vez que a produ o anterior estaria baseada no dedutivismo gerado pelos grandes traos do “car ter nacional” (LEITE, 1969), relegando os fatos, sua coleta e articula o. Os “ensaistas”, “explicadores” do Brasil (MOTA, 1980), primariam pela atitude de lassid o metodol gica e pela falta de um rigoroso “padr o do trabalho cient fico” (FERNANDES, 1958), aproximando-se mais da literatura, da filosofia social e da justifica o pol tica que das exig ncias da ci ncia. Da  a  nsia de um distanciamento com rela o aos valores (sociais, pol ticos, culturais etc.) e at  mesmo a pretens o de erigir a pr pria ci ncia em valor universal.

H  ainda uma corrente importante — provavelmente hegem nica nas  ltimas d cadas — que estabelece como marco hist rico das ci ncias sociais no Brasil o per odo imediatamente posterior a 1964. “O corte que lhes interessa n o   mais a diferen a entre conhecimento acad mico e senso comum [...] mas o processo de profissionaliza o e institucionaliza o das disciplinas” (ORTIZ, 2002, p. 186). Essa inflex o teria ocorrido devido a diversos fatores: apoio financeiro governamental, multiplica o dos programas de p s-gradua o, cria o de novos cursos e departamentos, cria o de associa es cient ficas e profissionais, pol ticas de financiamento   pesquisa por organismos p blicos e privados (Finep, Capes, CNPq, Fapesp, Funda o Ford, entre outras), treinamento de pesquisadores no exterior, especializa o, “ nfase na pesquisa emp rica e na forma o de uma rede institucional”, realce no treinamento “em detrimento de um sentido mais cl ssico da educa o” (Velho, 1983, p. 246 s.), etc. Alguns autores, como Bol var Lamounier (apud VELHO, 1983, p. 247), chegam mesmo a afirmar que isso significou o tr nsito “de um modelo burocr tico-mandarin stico para um pluralista e flex vel”. Estavam sendo criados grupos de profissionais das ci ncias sociais, especializados em determinados objetos e localizados em subcampos espec ficos, que procuravam se diferenciar da tradicional intelligentsia (VELHO, 1983, p. 252-4).

A cl ssica produ o de livros e ensaios vai sendo substitu da por relat rios de pesquisa e papers; o conhecimento passa a ser medido por indicadores quantitativos, pelo ranqueamento, pela competitividade, pelo utilitarismo de valor instrumental. Desenvolve-se a sociologia como t cnica de controle, organiza o, produ o, perdendo-se de vista a historicidade do social [...] Um coroamento desse processo   a entrada do soci logo, assim como de outros cientistas sociais, no c rculo das decis es governamentais, como policy-makers (IANNI, 1986, p. 36). Al m da

parcelização dos temas e das pesquisas, os cientistas sociais passaram a ser dependentes dos órgãos financiadores, que, muitas vezes, definem os problemas, os parâmetros e as abordagens dos trabalhos: “As fundações e instituições estrangeiras que financiam pesquisa dizem à sua clientela brasileira quais são os temas que lhes interessam” (REIS, 1997, p. 14).

Tais pretensões levaram à supervalorização do especialista, da técnica e do treinamento, bem como a um determinado modo de organização em termos de pesquisa, ensino e disposição de recursos humanos (hierarquia, titulação, mérito, seleção e arregimentação de pessoal, organização e coordenação do trabalho de pesquisa e docência, etc.) e materiais (formas de financiamento e disposição de verbas, edição de livros e revistas etc.), o que proporcionaria uma divisão e hierarquização do trabalho intelectual, a criação de um sistema de mérito e acesso a cargos, e volume e regularidade da produção científica. O cientista profissional domina a cena, relegando o bacharel, o autodidata e o outsider (institucional ou não) ao terreno da literatura e da propaganda, do ensaísmo, do impressionismo.

Uma vez que a técnica e o treino não seriam suficientes para legitimar socialmente o trabalho científico, a formação de uma comunidade científica, pautada por um ethos acadêmico, serviu de lastro às pretensões de habilitação e autonomia da atuação dos especialistas, resguardada pela condição particularíssima de domínio e monopólio de um código e treino particular, que lhes legava a prerrogativa (tornada exclusividade) de julgamento pelos próprios pares. Assim, a ciência social, na universidade, ficaria imune às pressões político-sociais, constituindo um ambiente asséptico necessário para o ótimo desenvolvimento de suas funções. A qualidade da produção adviria do escalonamento, setorialização e recorte dos estudos, formando painéis a partir de fenômenos particulares. Grandes quadros explicativos da realidade brasileira representariam um recuo metodológico [7].

A superação do diletantismo, a profissionalização, o controle institucional, formas mais acuradas de investigação e organização da produção foram, sem dúvida, avanços inquestionáveis na construção das ciências sociais no Brasil, e as interpretações dessa construção ancoradas na ideia de institucionalização souberam reconhecer tais conquistas. Todavia, ao cristalizar-se como interpretação dominante sobre a criação das ciências sociais no Brasil, a institucionalização não só legitimou a produção calcada nesses moldes como também estendeu suas influências às formas de legitimação, de divulgação/control e de financiamento da produção, marginalizando as interpretações que não obedecem aos ditames do status quo e suas concepções de ciência social.

Por ironia da história, esse novo padrão, a partir dos anos 1970, volta-se contra os precursores e pioneiros da institucionalização, mormente contra Florestan Fernandes e a escola uspiana. É o que se pode ler em Otávio Guilherme Velho:

O ponto focal — “totêmico” — da nova organização parece ter-se centrado em torno da ideia de pesquisa. É isso que distinguiria a atividade

científica dos palpites do senso comum, do beletismo dos literatos e do ensaísmo dos intelectuais diletantes e/ou puramente teóricos. Se isso demonstra que a construção da nova identidade se dava em oposição também a outros grupos, extrauniversitários, demonstra igualmente que apesar das profissões de fé do grupo de Florestan a favor da pesquisa, avaliados pela “geração pós-64” a partir de sua prática são, para esse efeito, jogados no campo oposto. Julga-se que os seus esforços de pesquisa foram basicamente mal-sucedidos, precedidos por longas e herméticas considerações teórico-metodológicas com que se distanciaram do empirismo e do marxismo partidário (outro referencial), mas que na verdade já antecipariam os seus resultados (VELHO, 1983, p. 249).

Assim como no passado a escola paulista invocara para si padrões de análise científica para marcar a sua diferença em relação ao estilo ensaísta, militante e “ideológico” do Iseb, a partir de meados dos anos 1960 são os mineiros e cariocas que invocam novos padrões científicos para se distanciar do estilo uspiano, calcado frequentemente em longos ensaios histórico-conceituais e carentes de embasamento empírico e formalizações lógico-matemáticas, que os novos politicólogos tentam introduzir apoiados na Ciência Política norte-americana (FORJAZ, 1997).

Vale a pena, ainda, citar um outro intelectual, o qual exprime suas indagações sobre os rumos que essa nova institucionalização foi adquirindo:

Preocupante, sem dúvida, é a possibilidade de sua perversão corporativa em torno de pequenos objetos — tendência que está contida subliminarmente nos processos de institucionalização da ciência de hoje —, traduzidos em especialização a serviço das carreiras profissionais dos seus praticantes e das redes de especialistas, nacionais e internacionais, que venham a estabelecer, vindo a girar no vazio e sem designação social alguma — uma comunidade de cientistas que se aplicaria em extrair recursos das políticas públicas para a sua auto-reprodução, encerrada em si mesma e destituindo as Ciências Sociais da sua relevância, não apenas social, mas também científica, em virtude de condenar o processo de conhecimento à particularização e à fragmentação (VIANNA, 1997, p. 212).

Frente aos desafios da nova institucionalização, os precursores e pioneiros voltaram-se para a valorização de antigas formas de elaboração intelectual consideradas superadas, ou seja, o “ensaísmo”, a produção engajada ou “ideológica” e formas “literárias” de interpretação social. Na nova situação, voltam a valorizar a imaginação sociológica, o artesanato intelectual, a forma do ensaio, a intervenção política etc. Nesse sentido, vale lembrar casos extremos como o de Florestan Fernandes (1978, p. 7) que, num ensaio sobre Lenin, recorre ao marxismo-leninismo como referencial teórico. Octávio Ianni, estudioso da mesma linhagem, afirma: “Penso que certos elementos da realidade brasileira ressoam de maneira mais forte, mais verossímil e mais convincente num livro de ficção do que em alguns trabalhos de sociólogos” (IANNI, 1998, p. 198).

Assim, tais formas de explicação da criação e do desenvolvimento, da cientificidade e da legitimação das ciências sociais tornaram-se também critérios de valoração, instrumento de marginalização e até de inviabilização da produção que não se norteia somente pelo apelo cientificista e institucional, mas que ainda é zelosa da amplitude de visão e da importância do artesanato intelectual na interpretação social. Se é certo que a institucionalização foi um passo decisivo na racionalização dos processos de produção das ciências sociais, igualmente, é óbvio que a técnica, o rigor metodológico e o zelo da racionalidade científica, por si só, não prescindem da imaginação sociológica para a interpretação social (MILLS, 1975), pois o estrito cumprimento das normas da ciência não é incompatível com a criatividade (FEYERABEND, 2007), e tampouco suficiente para o entendimento da realidade social (NISBET, 1976).

Assim, está posta a tarefa de rever as explicações sobre a criação das ciências sociais no Brasil, problematizando a concepção cientificista e institucional, e retomando a investigação da gênese do processo histórico de sua criação.

Notas

[1] Apesar disso, o ensino da Sociologia nas faculdades de direito já havia sido proposto por Rui Barbosa (1879) e no ensino regular por Rocha Vaz (1925). Já eram ministradas aulas desde 1912 por Soriano de Albuquerque, na Faculdade de Direito do Ceará, e a disciplina já havia sido introduzida, em 1928, como cadeira no Colégio Pedro II, na cidade do Rio de Janeiro (a cargo de Delgado de Carvalho), na Escola Normal de Recife (a cargo de Gilberto Freyre) e do Distrito Federal (com Fernando de Azevedo). Naqueles anos, 1950, ocorrem no Brasil as primeiras reuniões de organizações de classe: em 1953, o II Congresso Latino-Americano de Sociologia, e, em 1954, o I Congresso Brasileiro de Sociologia, realizado na Faculdade de Filosofia, Ciências e Letras da Universidade de São Paulo e promovido pela Sociedade Brasileira de Sociologia, fundada em 1948.

[2] O estudo de Costa Pinto e Edison Carneiro (1955) foi realizado sob o patrocínio da Capes (então chamada Campanha Nacional de Aperfeiçoamento de Pessoal de Nível Superior). A preocupação temática também está em Carneiro Leão (1957).

[3] Mais tarde, Fernandes (1977) volta ao tema e — de modo amargo — faz um balanço de sua trajetória e da de sua geração intelectual, que nomeou “geração perdida”, devido ao fracasso em instrumentalizar o saber em benefício da transformação social de cunho popular.

[4] Segundo o autor, a sociologia no Brasil (e na América Latina) divide-se em duas grandes etapas subdivididas por períodos: a etapa da herança histórico-cultural da sociologia, compreendendo o período dos pensadores sociais e o período da sociologia de cátedra; e a etapa contemporânea da sociologia, formada pelo período da sociologia científica, pelo período de

crise e diversificação e pelo período de busca de uma nova identidade. A sociologia científica teria início após os anos 1930 e seu apogeu dar-se-ia por volta do final dos anos 1950, por meio de sua institucionalização e da tentativa de relacionar ensino e pesquisa (LIEDKE FILHO, 2005).

[5] Extensivo levantamento bibliográfico — orientado para a política e que contempla também a sociologia — foi produzido por Wanderley Guilherme dos Santos (2002) e uma bibliografia do pensamento social brasileiro está em Aguiar (2000); de modo condensado, uma bibliografia básica do estudo de temas da produção sociológica brasileira está em Miceli (1999).

[6] Segundo tais delineamentos, a forma mais apurada e modelo dessa ciência social seria a desenvolvida em São Paulo, ao ponto de um autor manifestar-se do seguinte modo: “A Ciência Social enquanto tal constituiu uma ambição e um feito paulista, podendo-se associar tal orientação acadêmica a uma postura de neutralidade doutrinária em relação à política prática e de certa distância dos círculos e instituições onde estava se dando o treinamento efetivo dos futuros profissionais da política em São Paulo” (MICELI, 1985b, p. 15).

[7] A disputa em torno da relevância e predomínio de trabalhos monográficos em vez de interpretações totalizadoras já está inscrita na polêmica entre Florestan Fernandes e Guerreiro Ramos nos anos 1950 (BARIANI, 2005).

Referências bibliográficas

ANDRADE, Almir. Formação da sociologia brasileira: os primeiros estudos sociais no Brasil, séculos XVI, XVII e XVIII. Rio de Janeiro: José Olympio, 1941. v. 1. (Documentos brasileiros, 27).

AZEVEDO, Fernando de. Princípios de sociologia: pequena introdução ao estudo da sociologia geral. 11ª ed. São Paulo: Duas Cidades, 1973.

BARIANI, Edison. A sociologia no Brasil: uma batalha, duas trajetórias (Florestan Fernandes e Guerreiro Ramos) . Dissertação (Mestrado em Sociologia) – Universidade Estadual Paulista, Araraquara, 2003.

BASTIDE, Roger. La sociologie d’Amérique Latine. In: GURVITCH, Georges; MOORE, Wilbert E (Org.). La sociologie au XXe siècle II: études sociologiques dans les différents pays. Paris: Presses Universitaires de France, 1947. p. 621-42.

BASTOS, Élide Rugai. Florestan Fernandes e a construção das ciências sociais. In: MARTINEZ, Paulo Henrique (Org.). Florestan ou o sentido das coisas. São Paulo: Boitempo, 1998. p. 143-56.

CANDIDO, Antonio. A sociologia no Brasil. In: Enciclopédia Delta Larousse. 2ª ed. Rio de Janeiro: Larousse, 1964. v. 4. p. 2.107-23.

CHACON, Vamireh. História das idéias sociológicas no Brasil. São Paulo: Grijalbo, 1977. (História das ideias no Brasil).

- . Formação das ciências sociais no Brasil. São Paulo: Ed. da Unesp, 2008.
- FERNANDES, Florestan. A etnologia e a sociologia no Brasil: ensaios sobre aspectos da formação e do desenvolvimento das ciências sociais na sociedade brasileira. São Paulo: Anhambi, 1958.
- . A sociologia no Brasil: contribuição para o estudo de sua formação e desenvolvimento. Petrópolis: Vozes, 1977. (Sociologia brasileira, 7).
- . Introdução. In: Id. (Org.). Lênin. São Paulo: Ática, 1978. p. 7-50. (Grandes cientistas sociais, 5).
- FERREIRA, Pinto. Panorama da sociologia brasileira. Revista Brasiliense, São Paulo, Brasiliense, parte 2, n. 15, p. 43-64, 1958a.
- . Panorama da Sociologia Brasileira. Revista Brasiliense, São Paulo, Brasiliense, parte III, n. 16, p. 25-49, 1958b.
- FEYERABEND, Paul. Contra o método. São Paulo: Ed. da Unesp, 2007.
- FORJAZ, Maria Cecília Spina. A emergência da ciência política no Brasil: aspectos institucionais. Revista Brasileira de Ciências Sociais, São Paulo, v. 12, n. 35, fev. 1997.
- GUANABARA, Ricardo. Sociologia, nacionalismo e debate intelectual no Brasil pós-45. Rio de Janeiro. Dissertação (Mestrado em Ciência Política) – Instituto Universitário de Pesquisas do Rio de Janeiro, Rio de Janeiro, 1992.
- IANNI, Octávio. Sociologia da sociologia: o pensamento sociológico brasileiro. 3ª ed. rev. e aum. São Paulo: Ática, 1989.
- . A idéia de Brasil moderno. 2ª reimpressão. São Paulo: Brasiliense, 1996.
- . A sociologia do Brasil. In: Martinez, Paulo Henrique (Org.). Florestan ou o sentido das coisas. São Paulo: Boitempo, 1998. p. 189-99.
- . Pensamento social no Brasil. Bauru: Edusc, 2004. (Ciências sociais).
- LEÃO, Antonio Carneiro. Panorama sociológico do Brasil. Rio de Janeiro: CBPE: 1957. (Publicações do CBPE, série III, Livros-fonte, v. II).
- LEITE, Dante Moreira. O caráter nacional brasileiro: história de uma ideologia. 2ª ed. rev., refund. e ampl. São Paulo: Pioneira, 1969.
- LIEDKE FILHO, Enno D. A sociologia no Brasil: história, teorias e desafios. Sociologias, Porto Alegre, ano 7, n. 14, p. 376-437, jul./dez. 2005. Disponível em . Acesso em 1 ago. 2007.
- MENEZES, Djacir. La sociología en el Brasil. In: GURVITCH, Georges; MOORE, Wilbert E (Org.). Sociología del siglo XX. Buenos Aires: El Ateneo, 1956, tomo II, 2ª parte. p. 197-225. (Estudios sociológicos en los diferentes países).
- MEUCCI, Simone. A institucionalização da Sociologia no Brasil: os primeiros manuais e cursos. Dissertação (Mestrado em Ciências Sociais) - Instituto de Filosofia e Ciências Humanas da Universidade Estadual de Campinas, Campinas, 2000.

- MICELI, Sérgio. (Org.). História das ciências sociais no Brasil. São Paulo: Vértice, 1989a. v. 1.
- . Por uma sociologia das ciências sociais. In: Id. (Org.). História das ciências sociais no Brasil. São Paulo: Vértice, 1989b. v. 1.
- . (Org.). História das ciências sociais no Brasil. São Paulo: Vértice, 1995. v. 2.
- . Intelectuais brasileiros. In: Id. (Org.). O que ler na ciência social brasileira (1970 – 1995) . São Paulo: Sumaré, 1999. p. 109-46.
- MILLS, Charles Wright. A imaginação sociológica. 4ª ed. Rio de Janeiro: Zahar, 1975.
- MOTA, Carlos Guilherme. Ideologia da cultura brasileira (1933-1974) . 4ª ed. São Paulo: Ática, 1980.
- NISBET, Robert. Sociology as an art form. Oxford: Oxford University Press, 1976.
- NOGUEIRA, Oracy. A sociologia no Brasil. In: FERRI, Mário Guimarães; MOTOYAMA, Shozo. (Org.). História das ciências no Brasil. São Paulo: Editora da USP, 1981. v. 3. p. 181-234.
- ORTIZ, Renato. Notas sobre as Ciências Sociais no Brasil. In: Id. Ciências Sociais e trabalho intelectual. São Paulo: Olho D'Água, 2002. p. 175-196.
- PINTO, Luiz de Aguiar Costa; CARNEIRO, Edison. As ciências sociais no Brasil. Rio de Janeiro: Capes, 1955. (Série estudos e ensaios, 6).
- RAMOS, Alberto Guerreiro. O processo da sociologia no Brasil: esquema de uma história das idéias. Rio de Janeiro: Andes, 1953.
- . Introdução crítica à sociologia brasileira. Rio de Janeiro: Andes, 1957.
- . A redução sociológica: introdução ao estudo da razão sociológica. Rio de Janeiro: Iseb, 1958.
- . A inteligência brasileira na década de 1930, à luz da perspectiva de 1980. CPDOC/FGV. A revolução de 30: seminário internacional. Rio de Janeiro: FGV, 1983. p. 527-48. (Temas brasileiros).
- REIS, Elisa; REIS, Fábio Wanderley; VELHO, Gilberto. As ciências sociais nos últimos 20 anos: três perspectivas (entrevista). Revista Brasileira de Ciências Sociais, São Paulo, v. 12, n. 35, fev. 1997.
- SANTOS, Wanderley Guilherme dos. A imaginação político-social brasileira. Dados, Rio de Janeiro, n. 2/3, p. 182-193, 1967.
- . Ordem burguesa e liberalismo político. São Paulo: Duas Cidades, 1978. (História e sociedade).
- VELHO, Otávio Guilherme. Processos sociais no Brasil pós-64: as ciências sociais. In: SORJ, Bernardo; ALMEIDA, Maria Hermínia Tavares de (Org.). Sociedade e política no Brasil pós-64. São Paulo: Brasiliense, 1983. p. 240-61.
- VIANNA, Luiz Werneck. A institucionalização das ciências sociais e a reforma social: do pensamento social à agenda americana de pesquisa. In: Id. A revolução passiva: iberismo e americanismo no Brasil. Rio de Janeiro: Revan, 1997. p. 173-222.

* Печатается по: Bariani E., Segatto J.A. Ciências sociais no Brasil: ideologia e história / E. Bariani, J.A. Segatto // <http://www.acesa.com/gramsci/?page=visualizar&id=1149> Публикуется с разрешения Администрации сайта <http://www.acesa.com/>

Е.В. Кашкина
ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА И АФРИКА

Во время холодной войны мондиалисты предложили логичное, хотя и довольно условное третичное деление мира. Первую группу составляли развитые страны Запада: Европы и США; вторую – государства социалистической системы во главе с Советским Союзом; третья группа стран с самыми обширными территориями в Африке, Латинской Америке и на Среднем Востоке и с самыми дешевыми природными и человеческими ресурсами, получила название третьего мира. Долгое время третий мир не был самостоятельной силой и воспринимался двумя влиятельными мирами только как союзник одного или другого. Сегодня, когда больше не существует социалистического лагеря, как и четкого разделения стран на группы по силе их воздействия на геополитическое пространство, пока не появилось более-менее оригинальной идеологии, а после краткого господства одного полюса началось центробежное движение – все мировое пространство оказывается в поиске новой своей структуры, которую сейчас называют многополярной. Причем перед новым вызовом оказались все три «мира».

Для Западной Европы изменившаяся ситуация принесла геополитические приобретения в виде бывших соцстран, однако потребовала ускорения выработки более гибкой общей идеологии в политике Евросоюза, который до сих пор остается в большой степени экономическим объединением. Второй мир более-менее определился по своей геополитической принадлежности, распавшись и присоединившись фактически или условно либо к Западу, либо к Азии, тяготея к исламским ценностям, где Россия пытается сохранить свое положение некоего арбитра на евразийском пространстве. Страны третьего мира оказались перед выбором один на один. После колониального послушания большинство из них плавно перешли под опеку социалистических идей. Для этих стран новый вызов стал толчком к упрочению национального суверенитета и стремлению к большей экономической независимости. Однако положение в современном мире таково, что в одиночку невозможно ни развитие, ни просто выживание.

Оправившись от растерянности 90-х гг. на волне постоянно растущих цен на энергоносители уже в новом веке, страны третьего мира осознают собственные экономические, политические и геостратегические потенциальные возможности. Это заставляет аналитиков

и людей, принимающих политические решения, подходить с новыми мерками к пониманию настоящего момента. По словам обозревателя издания *New America Foundation* Микаэла Линдта «некоторые евроазиатские страны, главным образом Россия и Китай, и страны Южной Америки «потихоньку» предпринимали меры, последствием которых явится убывание американской мощи. В числе уже заметных перемен, которые в ближайшее время будут определять новый геополитический контекст»¹. Таким образом, концепция многополярности, призванная привести к более демократичному устройству мира одновременно является прикрытием антиамериканской коалиции. Как ни странно, такое положение дел как раз способствует движению вперед на основе того естественного дуализма, который и является мотором развития как отдельного человека так и любого сообщества. Последнее время появляется множество так называемых осей взаимодействия между странами и разными регионами, причем часто без ярко выраженного лидера. Переносное значение слова полюс – это точка или место наибольшего проявления чего-либо, поэтому рождающееся на наших глазах мировое устройство, если оно покажет устойчивость в ближней перспективе, точнее будет назвать не многополярным, а многоосевым (пересечение таких линий создаст созвездия!).

Помимо традиционных концепций объединений, периодически возрождающихся, таких как «Европа от Атлантики до Урала» с осью Париж-Москва. Или нынешние планы создания Средиземноморского союза с осью Париж-Алжир, о подобии которого любил помечтать еще Наполеон III, и который был автором идеи франко-арабской империи², а де Голль позже определял его границы «от Дюнкерка до Таманрассета»³; или амбициозная идея Великобритании, где «целью англичан является создание крупнейшего атлантического сообщества, от Турции до Калифорнии, – пишет еженедельник «*Corriere della sera*», – стержнем и связующим звеном которого, разумеется, явился бы Лондон»⁴, вращающихся так или иначе вокруг Европы, по традиционным направлениям восток-запад или север-юг, появляются другие. Например, региональная концепция – азиатская ШОС⁵, которую можно назвать восток-восток. Появилась также «ломаная», соединяющая несколько регионов под названием БРИК⁶. В начале 90-х годов европейцы вновь открыли для себя Южную Америку, увидев в созданной в 1991 г. организации Меркосур⁷ начало интеграционного процесса, подобного собственному, европейскому⁸.

Таким образом, сегодня уже не так актуально говорить о противостоянии богатого Севера и бедного Юга, или передового Запада и вечно догоняющего Востока, многоплановость нынешней ситуации

заключается в том, что традиционные межгосударственные и межрегиональные отношения уступают место новым, часто на первый взгляд неожиданным конфигурациям. Например, это кооперация Юг-Юг, в виде зарождающегося сотрудничества между Латинской Америкой и Африкой. Оба континента относятся к третьему миру, сегодня весьма быстро развивающемуся, оба – бывшие европейские колонии. Правда, Латинская Америка освободилась от испано-португальского господства более 170 лет назад, тогда как многие народы Африки сравнительно недавно получили политическую независимость, но в экономическом и социальном плане большинства из них по-прежнему не коснулись реальные позитивные перемены. Видимо, в том числе и этим фактором можно объяснить большую степень активности на международной арене латиноамериканских стран, инициирующих выстраивание и развитие отношений в различных мировых направлениях.

Президент Бразилии Лула да Сильва так определил приоритеты для своего континента: «Исторически Латинская Америка всегда смотрела в направлении Соединенных Штатов или Европы. Такое положение дел было необходимо в определенную эпоху. Но вместе с процессами глобализации, технологическим продвижением развивающихся стран мы обязаны утвердить нашу южно-американскую и латино-американскую идентичность и изучить все возможные формы помощи, необходимые для совместного развития. Приоритет моей внешней политики – работа ради дела интеграции всей Южной Америки»⁹. Говоря о приоритетах президент не случайно отдельно подчеркивает южно-американскую идентичность, которая включает в себя и латинскую и африканскую составляющие. В ней как раз отражена история континента и причины выстраивания этих самых приоритетов.

Европейцы не прикрывались никакими эвфемизмами, назвав освоение южно-американского континента прямолинейно – конкиста, завоевание¹⁰. В этом отношении они оказались честнее, чем позднее, при не менее жестком проникновении в африканский континент, где те же завоевания прикрывались часто словами о цивилизаторской миссии. Однако конкиста в обеих частях света оказалась и встречей разных миров, противоположностей, которые породили новую цивилизацию. В процесс латинизации Америки вскоре были включены и огромные массы африканцев. Молодые рабы с черного континента изначально не были ни консолидированы, ни достаточно образованными, для того чтобы оказывать значительное влияние на общество на новой родине. Несмотря на то что их вклад в духовную жизнь уже

в большой степени сформировавшегося южноамериканского общества был незначительным, это не мешало африканцам на новых землях сохранять свойственные им этно-психологические черты, некоторые наиболее укоренившиеся нравы и обычаи, а также многообещающее ностальгическое чувство об общей утраченной родине Африке¹¹. Навивно было бы полагать, что только чувства движут навстречу друг другу два континента, но они, безусловно, накладываются на прагматические соображения. Африка и Латинская Америка имеют много общих точек соприкосновения и в историческом и в географическом плане. Оба континента обладают большими запасами полезных ископаемых, в которых очень заинтересован богатый западный мир. С начала 90-х годов XX в. в общественном сознании на континенте стали укореняться идеи межрегионального, межконтинентального сотрудничества. В столице Танзании - Дар-эс-Саламе создан Африканский центр по урегулированию конфликтов. Сделано это, по словам сотрудников Центра, «чтобы побудить африканцев самостоятельно решать собственные проблемы, вместо того чтобы полагаться на иностранное посредничество»¹², имеются в виду западные страны.

Глубокий структурный кризис экономики Соединенных Штатов, сегодняшний экономический и финансовый кризис, по мнению некоторых специалистов, – только ускорил процесс перераспределения сил во всей «западной системе», начавшийся ещё в середине 1990-х¹³. Сближению Африки и Латинской Америки способствуют противоречия в отношениях с их бывшей колониальной владелицей – Европой. Несмотря на то что «в глазах многочисленных обозревателей и латиноамериканских аналитиков европейский союз идеологически более близок к Латинской Америке, чем США, а его подходы более гуманные, он признает экономическую асимметрию и предлагает гибкие решения»¹⁴, европейцы продолжают требовать более свободного доступа к услугам, ресурсам и рынкам стран третьего мира, в отсутствие собственной торговой открытости.

В целях выстраивания новых отношений Уго Чавес, как региональный лидер, совершил многочисленные визиты в различные африканские страны, для подготовки первого саммита. С некоторыми из стран установились весьма прочные связи, например Мали и Венесуэла в течение ряда лет тесно сотрудничают в сфере телекоммуникаций, здравоохранении и образовании.

В ноябре 2006 г. в столице Нигерии г. Абудже, открылся первый саммит Африка – Южная Америка. Бразилия и Нигерия – основатели и инициаторы этой первой встречи Юг-Юг. На ней присутствовало 12 стран Южной Америки и 45 стран Африки. Главами своих госу-

дарств были представлены: Южная Африка – президент Таво Мбеки, от Алжира – президент Абдельазиз Бутефлика, король Марокко Мухаммед VI и шесть латиноамериканских глав: Бразилии Луис Инасио Лула да Сильва, Венесуэлы – Уго Чавес, Боливии – Эво Моралес, Эквадора – Альфредо Паласио, Суринама – Рунальдо Венетиан и от Гвианы – Барат Жагдео. В повестке дня были вопросы торговли и инвестиций, причем вполне конкретные предложения, касающиеся развития сельского хозяйства на африканском континенте, особенно страдающего от глобального потепления и варварского отношения к природе в недавнем прошлом, и индустрии туризма, которая переживает в Африке настоящий бум и которую очень заинтересованы развивать у себя латиноамериканцы. Алжирский министр Абделькадер Мессахель, ответственный по африканским и магрибинским делам подчеркнул, что «Африка, которая располагает впечатляющим экономическим потенциалом, нуждается в помощи в своих усилиях по развитию новых технологий. В этом смысле столь же впечатляющий опыт латиноамериканских государств будет необходим африканским государствам в выстраивании региональных полюсов сотрудничества, выгодных обеим частям света»¹⁵. Несмотря на отмеченное позже венесуэльским лидером весьма слабое выполнение решений первого саммита Латинская Америка - Африка, специалисты в целом отметили, что «потенциал этих отношений значителен, т.к. они начали подъем с самого дна, и оба региона так или иначе ориентированы на Север»¹⁶.

Второй саммит состоялся 28 сентября 2009 года в Венесуэле. На форуме было представлено 66 стран, в том числе – 30 лидеров государств. В заключительной речи хозяин саммита, Уго Чавес отметил это обстоятельство: «Благодаря наличию такого количества стран, эта встреча на высшем уровне была более успешной, чем первая, прошедшая три года назад в Нигерии» и высказался в пользу создания многополярного мира, лишённого западного экономического влияния. «Мир больше не будет ни однополярным ни биполярным, а многополярным, и союз Африки и Южной Америки, позволит добиться того, что освободитель Симон Боливар называл баланс мира»¹⁷.

Официальными рабочими языками саммита стали: арабский, английский, голландский, французский, суахили, португальский и испанский. Главы государств и правительств стран Южной Америки и Африки приняли решение о расширении сотрудничества двух континентов. Было разработано и принято несколько основных документов. 54 страны Африканского союза и 12 государств Союза южно-

американских наций выработали совместную позицию по реформе Совета Безопасности ООН. Эта реформа, как указывается в декларации, «должна гарантировать участие в СБ ООН большего числа развивающихся стран, для его большей эффективности и их влияния на легитимность принимаемых решений»¹⁸.

Со своей стороны, ливийский лидер Муамар Каддафи, который в настоящее время является председателем Африканского союза, предложил формирование военного союза по образцу НАТО, «собственное южное НАТО». Полковник Каддафи, который впервые посетил Латинскую Америку после вступления в должность 40 лет назад, вновь выступил с критикой западных стран, как он это сделал накануне в Нью-Йорке на ассамблее ООН: «Крупнейшие державы хотят, по-прежнему оставаться великими. А мы должны выстроить нашу собственную силу, добавил он, потому что если мы пошатнется, это не будет способствовать миру и безопасности во всем мире».

По итогам второго саммита Южная Америка — Африка (АСА) были подписаны Совместная декларация и План действий. Главы государств намерены координировать действия Союзов на международной арене в целях защиты интересов двух континентов. Некоторые государства воспользовались саммитом для упрочения двусторонних и многосторонних связей. Венесуэла предложила нефтедобывающим странам в частности президенту Алжира Абдельазизу Бутефлике сотрудничество в создании совместных нефтяных компаний двух стран, для того «чтобы предотвратить надзор Соединенных Штатов», которые, по мнению Уго Чавеса «грабят африканские богатства»¹⁹. У. Чавес подписал также договоры о сотрудничестве в области энергоресурсов с Мавританией и Нигером. Венесуэльский лидер отметил, что планирует построить в Мавритании нефтеперерабатывающий завод. Он сказал также, что надеется на заключение соглашения с Суданом.

Такой антиимпериалистический подход к экономическому сотрудничеству имеет целью «интеграцию юга, освободившегося от опеки богатых стран» - сказал бразильский президент Луис Инасиу Лула да Силва и заметил, что «нет никаких проблем в мире, которые Южная Америка и Африка не могут решить вместе. Когда мы перестанем надеяться на помощь извне, которую мы все равно не получим, и начнем рассчитывать только на себя?» – задал он риторический вопрос. Если это произойдет, добавил он, «нынешний век станет веком Африки и Южной Америки»²⁰. Президент Чили Мишель Башелет обратила внимание на человеческие ресурсы, что само количество населения, представленное на двух континентах это огром-

ная сила. Она призвала к созданию общего форума: «Мы можем на этом форуме, заниматься такими важными вопросами, – сказала она, как глобальный кризис, который начался в прошлом году, а это означает конец неолиберальной модели».

Саммит высказался в пользу создания новой международной и региональной финансовой архитектуры для преодоления глобального экономического кризиса и уменьшения власти доллара. Председательствующий на саммите президент Венесуэлы Уго Чавес предложил лидерам африканских стран сформировать совместную с Южной Америкой новую финансовую структуру — Банк «Юг-Юг». По плану Чавеса, там должны будут сосредоточиться золотовалютные запасы стран двух континентов. На встрече в верхах было объявлено о создании семью южноамериканскими странами Банка Юга с начальным капиталом в 20 миллиардов долларов. Фантастический на первый взгляд проект объединения экономик Африки и Южной Америки наблюдателям не кажется таким уж неосуществимым. «Общее желание преодолеть зависимость от доллара может оказаться сильнее национальных и региональных эгоизмов», – заметил РБК daily директор Центра экономических исследований Института стран Латинской Америки Вадим Теперман²¹.

Президент Венесуэлы также призвал страны Африки и Южной Америки создать межконтинентальную организацию горнодобывающей промышленности, которая бы позволила странам региона контролировать полезные ископаемые на двух континентах. Президент Нигера Мамаду Танджа, как пишет местная печать, отметил инновационный и стратегический альянс между двумя регионами, который должен привести к модели, лишенной эгоизма, которым все еще характеризуется международная торговля. «В целях поощрения устойчивого развития, Африка может и должна извлечь уроки из опыта Южной Америки, которой удалось высвободить систему от доминирования крупных держав через многонациональные корпорации»²². Он сказал, что в Нигере, «твердо привержены идее суверенного управления своими богатствами, в том числе диверсификации партнеров, чтобы завещать будущим поколениям как состояние так и новое мышление»²³.

Третий саммит стран Африки и Латинской Америки будет проведен в 2011 году в Ливии. Две рабочие группы будут отвечать за сбор предложений для обсуждения на встрече министров иностранных дел, запланированных на следующий год. Таков итог встречи в верхах на венесуэльском острове Маргарита. Каковы будут дальнейшие события - покажет время. Однако признание мировым сообще-

ством самого факта образования новой оси сотрудничества юг-юг, как новой силы очевиден. 23 декабря 2003 года Генеральная Ассамблея приняла резолюцию 58/220, в которой постановила провозгласить 19 декабря «Днем сотрудничества Юг-Юг Организации Объединенных Наций». В этот день Генеральная Ассамблея одобрила Буэнос-Айресский план действий по развитию и осуществлению технического сотрудничества между развивающимися странами. Хотя потенциал партнерских отношений по этой линии по-прежнему остается недостаточно реализованным, события последнего времени дают все больше оснований для оптимизма. Для нашей страны выстраивание новых осей регионального сотрудничества является фактом, с которым она готова считаться в духе равноправного партнерства. Для современной России восстановление и укрепление отношений с третьим миром и выгодно, и интересно, и перспективно.

¹ Michael Lind, How the U. S. Became the World's Dispensable Nation. Financial Times. - 26 gennaio 2005.

² G. Arboit, Aux sources de la politique arabe de la France : le second Empire et le Machrek dans la Revue du Souvenir Napoléonien, 2001.

³ Дюнкерк, город, расположенный на крайнем севере Франции, Таманрассет является самым южным городом Алжира. Сам Алжир занимал совершенно особое место в колониальной системе Франции и считался самым ее крупным заморским департаментом.

⁴ Sergio Romano, Perché è difficile fare l' Europa con la Gran Bretagna, Corriere della sera, 12 giugno 2005, p. 39.

⁵ Шанхайская организация сотрудничества ШОС— региональная международная организация, основанная в 2001 году лидерами Китая, России, Казахстана, Таджикистана, Киргизии и Узбекистана.

⁶ Налаживание политических взаимосвязей в рамках БРИК началось в сентябре 2006 года, когда во время 61-й сессии ООН в Нью-Йорке состоялась встреча министров иностранных дел четырех стран: Бразилии, России, Индии, Китая. В дальнейшем произошло ещё три встречи, включая полноформатную встречу в Екатеринбурге 16 мая 2009 года. Таким образом, страны БРИК образовали новую геоэкономическую ось между Евразией и Южной Америкой.

⁷ МЕРКОСУР — общий рынок стран Южной Америки. Меркосур объединяет 250 млн. человек и более 75 % совокупного ВВП континента. В него входят Аргентина, Бразилия, Парагвай, Уругвай и Венесуэла (с июля 2006 начата процедура вступления, между тем до настоящего времени парламенты не всех членов союза дали свое согласие на принятие Венесуэлы в члены) а в качестве ассоциированных членов — Чили, Боливия, Колумбия, Эквадор и Перу.

⁸ Мадридский договор, подписанный в 1995 г. между Евросоюзом и Меркосур находится в рамках межрегиональной ассоциации, амбициозной, но неопределенной.

⁹ Entretien, journal Pagina 12, Buenos Aires, le 16 novembre 2003.

¹⁰ Хотя еще в 1573 г. король Филипп II запретил употребление термина реконкиста, заменив его на усмирение.

¹¹ История Латинской Америки с древнейших времен до начала XX века. Ч. I. Тема 7. Взаимодействие цивилизаций.

¹² Нартов Н. Геополитика: учебник для вузов // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/nart/index.php

¹³ Jacques Sapir, Le nouveau XXI siècle. Du siècle „américaine“ au retour des nations, Seuil, Paris 2008.

¹⁴ Patrice Gouy, Radio France Internationale, 29 mai 2004.

¹⁵ El Watan, 30.11.2006

¹⁶ <http://www.africamaat.com/Un-sommet-historique-Afrique>

¹⁷ <http://www.rnw.nl/pt-pt/node/28503>

¹⁸ Jeune Afrique, 25.09.2009

¹⁹ El Watan, 01.10.2009

²⁰ RBC Daily, 28.09.2009

²¹ Ibid.

²² Le Sahel, 02.10.2009

²³ Ibid.

Marcelo Ridenti
DESENVOLVIMENTISMO: O RETORNO*

Introdução

Ao enfrentar o desafio de tratar a questão do desenvolvimento, não o farei como economista, tampouco como sociólogo do desenvolvimento num sentido estrito. A partir da perspectiva de um estudioso da esquerda brasileira, especialmente dos anos 1960, tentarei dividir com os leitores um certo estranhamento acerca da retomada do tema do desenvolvimento na agenda social e política nos últimos anos, particularmente por parte de setores expressivos da esquerda brasileira, entendida num sentido amplo como o conjunto de forças sociais e políticas empenhadas em transformações que minorem as desigualdades sociais e econômicas.

Os dois principais candidatos para a próxima eleição presidencial — pelo que hoje se anuncia, ainda dois anos antes das eleições — são José Serra e Dilma Rousseff, o primeiro da oposição, a segunda do atual governo. Ambos desenvolvimentistas, formados nos debates econômicos, políticos e sociais dos anos 1960, como profissionais e também como militantes políticos, um da Ação Popular (AP), outra da Vanguarda Armada Revolucionária Palmares (VAR-Palmares). É claro que esse tempo já vai longe e ambos mudaram, mas trazem as marcas da experiência passada. Não é à toa que eles representam as correntes ditas desenvolvimentistas no interior das forças aliadas em torno de seus respectivos partidos, cada qual a seu modo. Serra ficou conhecido, durante o governo Fernando Henrique Cardoso, como principal expressão da corrente desenvolvimentista do Partido da Social Democracia Brasileira (PSDB), que dava o contraponto então minoritário a um governo acusado pelos opositores de neoliberal. Por sua vez, Dilma é a face dita desenvolvimentista do governo do petista Lula, que abriga também ministros liberais, que foram mais importantes em seu primeiro governo, mas perderam terreno no segundo.

Para tomar apenas um referencial mais à esquerda, o tema do desenvolvimento ressurgiu com força no livro-manifesto *A opção brasileira*, assinado por um conjunto de intelectuais militantes como o redator César Benjamin, Emir Sader, João Pedro Stedile, Plínio de Arruda Sampaio e outros, gente que hoje está no Partido dos Trabalhadores (PT) ou no Partido Socialismo e Liberdade (PSOL), mas se destaca sobretudo pela participação em movimentos sociais [1]. Os nomes desses autores também revelam conexões com as esquerdas dos anos 1960 (Benjamin, MR8; Emir, Polop-POC; Plínio — democracia cristã e, depois, Teologia da Libertação)

O livro, de 1998, foi um dos pioneiros na retomada do tema do desenvolvimento na agenda política e econômica nacional. Ele o fazia de uma perspectiva mais radical, mas dentro do mesmo universo das outras

duas correntes citadas: a retomada do desenvolvimentismo. Basta ver a quem o livro foi dedicado: Celso Furtado, Ignácio Rangel, Caio Prado Jr., Darcy Ribeiro, Florestan Fernandes e Milton Santos, todos expoentes dos debates sobre desenvolvimento e dependência nos anos 1960 e 1970. O livro aponta como “nossa fraqueza maior” aquilo que chama de “divórcio entre povo e nação” (p. 149). E aponta cinco compromissos para superar essa fraqueza, aqueles com: 1. a soberania; 2. a solidariedade; 3. o desenvolvimento; 4. a sustentabilidade; 5. a democracia ampliada (p. 150-1).

Pois bem, explícito agora o estranhamento diante dessa situação de retorno do desenvolvimentismo, levantando uma pergunta cuja resposta ficará apenas esboçada. Pergunta que proponho como provocação para refletir coletivamente: como ressurgiu das cinzas e até mesmo ganhou predominância no universo político nacional, particularmente entre as forças de esquerda, uma corrente de pensamento que se julgava parte da história passada, supostamente morta e enterrada nos anos 1960, o desenvolvimentismo? Essa pergunta tem um desdobramento que envolve a análise acadêmica, no âmbito das ciências sociais e econômicas, mas a ultrapassa no sentido da ação política: seria pertinente retomar o desenvolvimentismo, sem maiores reflexões sobre seus alcances e limites, tão debatidos nos últimos 40 anos?

Uma viagem ao passado

Vale a pena fazer uma viagem aos anos 1950 e 1960 para recuperar os termos do debate sobre o desenvolvimento nacional, que era o grande tema da economia política de então. Tema que envolve algumas palavras-chave: Estado, planejamento, industrialização, modernização, urbanização, povo, nação, superação da pobreza e do subdesenvolvimento. Para tomar a formulação sintética de um economista que estudou a história do pensamento no período, o desenvolvimentismo é “o projeto de superação do subdesenvolvimento através da industrialização integral, por meio do planejamento e decidido apoio estatal” [2].

Ricardo Bielschowsky divide o pensamento econômico de então em cinco correntes: 1. a neoliberal (contraponto ao desenvolvimentismo, ao enfatizar as forças do mercado para atingir a eficiência econômica — um economista expoente desse universo seria Eugênio Gudín), 2. o desenvolvimentismo do setor privado (Roberto Simonsen seria exemplar), 3. o desenvolvimentismo do setor público não-nacionalista (Roberto Campos tipificaria), 4. o desenvolvimentismo público nacionalista (Celso Furtado à frente), e 5. a corrente socialista, marcada especialmente pelas formulações do Partido Comunista Brasileiro (PCB).

Para seguir a proposta de abordar o desenvolvimentismo pelo seu viés de esquerda, é o caso de recuperar aqui sobretudo as duas últimas correntes, que seriam derrotadas com o golpe de 1964: o

desenvolvimentismo nacionalista e o socialista, que prefiro chamar de comunista para atestar sua ligação fundamental com o PCB.

O desenvolvimentismo envolvia uma concepção dualista, ou uma “razão dualista” — para usar o termo do economista e sociólogo Francisco de Oliveira [3]. Concebia-se a sociedade brasileira cindida em duas: a moderna, em franco desenvolvimento, conviveria com um Brasil atrasado e subdesenvolvido, que precisaria ser superado. À esquerda, o dualismo era disseminado de formas diferenciadas por três matrizes institucionais: 1. o Instituto Superior de Estudos Brasileiro (Iseb), criado para dar suporte teórico ao governo de JK ; 2. a Comissão Econômica para a América Latina (Cepal), organismo das Nações Unidas; 3. o Partido Comunista Brasileiro, cuja teoria das duas etapas da revolução brasileira era incorporada difusa e diversamente por círculos expressivos de intelectuais.

As análises da Cepal apontavam o atraso da estrutura socioeconômica dos países da chamada “periferia”, como os da América Latina, em relação ao “centro” econômico mundial, com a deterioração dos termos da troca — relação de intercâmbio entre produtos primários e industrializados desfavorável para os produtos primários produzidos na periferia. Daí a incapacidade de o mercado desenvolver as economias periféricas e a necessidade do Estado como centro racionalizador da economia, quer pelo planejamento, quer pelo financiamento. O Estado seria o indutor de uma industrialização para o mercado interno, constituindo economias nacionais sólidas e autônomas, com apoio do capital estrangeiro disposto a industrializar a periferia, aumentando a renda e a produtividade, em oposição ao imperialismo comercial e financeiro.

O Iseb, órgão ligado à Casa Civil da Presidência da República, foi um centro produtor de ideologias nacional-desenvolvimentistas diferenciadas, que tinham em comum apontar como contradição principal na sociedade brasileira o embate entre “nação” e “antinação”. Elegia o “povo brasileiro” como principal agente da História — não qualquer classe em especial. Assim, um autor como Hélio Jaguaribe apostava no capitalismo autóctone na periferia ocidental. Alberto Guerreiro Ramos defendia que o pesquisador deve assumir o ponto de vista da nação, propondo uma ideologia do desenvolvimento e uma ideologia da sociologia nacional. Vieira Pinto apostava nas massas populares no comando do processo de desenvolvimento e dizia-se marxista, assim como alguns de seus jovens assessores. Por sua vez, o militar comunista Nelson Werneck Sodré não pretendia constituir ideologias nacionais, mas fazer ciência. Contudo, compreendia o nacionalismo como inscrito na realidade subdesenvolvida; nacionalismo seria “liberação”, verdade histórica [4].

Na versão do PCB, especialmente a partir da “Declaração de março de 1958”, haveria resquícios feudais ou semif feudais no campo, a serem removidos por uma revolução burguesa, nacional e democrática, que uniria todas as forças interessadas no progresso da nação e na ruptura com o subdesenvolvimento (a burguesia, o proletariado, setores das camadas médias e também os camponeses), contra as forças interessadas em manter

o subdesenvolvimento brasileiro, a saber, o imperialismo e seus aliados internos, os latifundiários e setores das camadas médias próximos dos interesses multinacionais. A revolução socialista viria numa segunda etapa — bem próxima ou ainda muito distante, dependendo da interpretação de cada corrente partidária.

É conhecida a crítica de Caio Prado Jr. à posição do PCB herdada do VI Congresso da Internacional Comunista, realizado em Moscou em 1928, que propunha para os países coloniais e semicoloniais a revolução nacional e democrática, uma frente única antiimperialista e antifeudal [5]. No Congresso de 1960, o PCB reiterava a existência de duas contradições fundamentais que exigiam solução radical imediata, porém pacífica: 1) a nação contraposta ao imperialismo norte-americano e seus agentes internos; 2) as forças produtivas em desenvolvimento em contradição com o monopólio da terra (o que envolvia o conflito entre latifundiários e massas camponesas). O Brasil estaria assim na etapa da revolução antiimperialista, antifeudal, nacional e democrática. O partido reconhecia a contradição entre capital e trabalho, mas entendia que ela “não exige solução radical e completa na atual etapa da revolução” [6].

A crítica ao desenvolvimentismo

Esse tipo de análise aproximava na prática comunistas e nacionalistas, todos favoráveis a priorizar o desenvolvimento, com atuação decisiva do Estado no planejamento e no financiamento. Ele implicaria o silêncio sobre as lutas de classes e uma concepção do Estado acima delas, sendo o subdesenvolvimento visto como “ausência de capitalismo e não o seu resultado”. Era o que afirmava nos anos 1980 o hoje (não por acaso) Ministro da Fazenda, Guido Mantega [7]. Ele apenas reiterava a crítica funda que se fez ao desenvolvimentismo em todas as suas variáveis a partir do final dos anos 1960.

Constatava-se que esse tipo de pensamento não dava conta satisfatoriamente das complexas relações entre as diversas frações da burguesia brasileira, os latifundiários, o capital internacional e o próprio Estado (incluindo aí as Forças Armadas), tampouco fazia uma análise convincente das classes despossuídas, que em geral sequer eram tratadas, sem contar uma versão considerada simplificadora da inserção do Brasil e dos países da chamada periferia na divisão internacional do trabalho. Evidenciava-se que as forças conservadoras e o “imperialismo” não eram entraves ao desenvolvimento capitalista no Brasil.

Fernando Henrique Cardoso e Enzo Faletto delinearão essa crítica nos anos 1960 [8]. Paul Singer [9], Maria da Conceição Tavares [10] e Francisco de Oliveira seriam outros expoentes que lapidaram tal pensamento já na década de 1970. Por exemplo, Francisco de Oliveira

sintetizava a sua maneira a (auto)crítica de esquerda ao desenvolvimentismo:

toda a questão do desenvolvimento foi vista sob o ângulo das relações externas, e o problema transformou-se assim em uma oposição entre nações, passando despercebido o fato de que, antes de oposição entre nações, o desenvolvimento ou o crescimento é um problema que diz respeito à oposição entre classes sociais internas. [...o desenvolvimentismo] cumprindo uma importante função ideológica para marginalizar perguntas do tipo ‘a quem serve o desenvolvimento econômico capitalista no Brasil’? [11].

A crítica prosseguiria pelos anos 1980. Por exemplo, em *O capitalismo tardio*, João Manuel Cardoso de Mello afirmava que “a problemática cepalina é a problemática da industrialização nacional, a partir de uma situação periférica”. Propunha em seu lugar uma nova “tarefa — a de repensar a História latino-americana como formação e desenvolvimento do modo de produção capitalista” [12].

Independentemente das críticas, não se pode negar que — sobretudo no início dos anos 1960 — o avanço das teses desenvolvimentistas de nacionalistas e comunistas mobilizara trabalhadores urbanos e rurais, além de setores significativos das classes médias, sobretudo estudantes, intelectuais e artistas, como se evidencia na *Canção do subdesenvolvido*, a mais célebre do CPC da UNE, composta por Carlos Lyra e Chico de Assis [13].

No pós-1964, por um certo período, predominou um tipo de interpretação tributária do desenvolvimentismo nacionalista de Celso Furtado, especialmente sua obra *Subdesenvolvimento e estagnação na América Latina*, publicada pela editora Civilização Brasileira em 1966 [14]. O crescimento da economia brasileira estaria bloqueado, num processo de estagnação insuperável dentro do modelo econômico da ditadura, excludente da maioria da população. A saída para o capitalismo no Brasil seria seu desenvolvimento nacional independente, com a ampliação do mercado pela incorporação das massas populares secularmente excluídas, projeto que fora derrotado em 1964.

À revelia da Furtado, esse tipo de interpretação teve conseqüências inesperadas: se não havia escapatória dentro da ordem da ditadura para a crise econômica vivida pela sociedade brasileira, condenada à estagnação, seria preciso derrubar a ditadura para retomar o desenvolvimento, fosse em bases capitalistas ou até mesmo socialistas. A esquerda armada nutriu-se particularmente da interpretação de Furtado, buscando forjar os fatores subjetivos para uma revolução, pois as circunstâncias objetivas seriam favoráveis com a estagnação econômica [15]. Para ficar num só exemplo, tome-se o “Programa” da VAR-Palmares, segundo o qual:

o controle do capitalismo brasileiro pelo capital imperialista condena o Brasil a permanecer nos marcos da estagnação e do subdesenvolvimento. [...] na atual situação histórica, o capitalismo mostra-se claramente incapaz de desenvolver as forças produtivas do país [16].

Revela-se nesse texto um desdobramento socialista do desenvolvimentismo que foi teorizado por autores como Gunder Frank, Rui Mauro Marini e Theotônio dos Santos, que não viam alternativas de crescimento para os países subdesenvolvidos dentro do capitalismo, sistema que nos países dependentes só poderia ser mantido pela força bruta de ditaduras.

O chamado milagre econômico promovido pela ditadura militar e civil logo desmentiria as teses de estagnação: evidenciava-se a possibilidade de desenvolvimento capitalista no Brasil e na América Latina, embora dependente e associado ao capital internacional. Economistas e sociólogos de esquerda, em geral vindos de experiências no interior do desenvolvimentismo, viriam a dar conta teoricamente desse processo de mudança na economia e na sociedade. O suposto atraso seria estruturalmente indissociável do progresso, o arcaico inseparável do moderno, o desenvolvimento conviveria com o subdesenvolvimento.

O retorno

A ditadura militar e civil levou adiante um modelo autoritário de modernização que promoveu um desenvolvimento concentrador de riquezas, com arrocho salarial e restrições às liberdades civis. Era um tempo em que prevaleceu o mote “segurança e desenvolvimento”. Especialmente no governo Geisel houve planejamento e intervenção estatal que faziam lembrar aspectos do desenvolvimentismo das décadas anteriores. O tema do desenvolvimento ganhava assim um contorno de direita que — somado às (auto)críticas ao desenvolvimentismo da esquerda nacionalista e comunista — deixava o desenvolvimento em segundo plano no pensamento de esquerda, às voltas sobretudo com dois temas: (re)democratização da sociedade e afirmação da classe trabalhadora. Nesse modo, pode-se dizer que alguns setores da esquerda — em geral congregados na legenda do Partido do Movimento Democrático Brasileiro (PMDB) após 1980 — privilegiavam o retorno à normalidade democrática institucional, enquanto outros uniam-se para formar um partido novo, cuja missão principal seria organizar a classe trabalhadora, constituindo o PT, com base no tripé entre o novo sindicalismo, as comunidades eclesiais de base da igreja católica e remanescentes de partidos e movimentos de esquerda, todos ligados aos movimentos sociais insurgentes, especialmente nos bairros pobres das grandes cidades.

Alguns dos célebres economistas e cientistas sociais que elaboraram a crítica de esquerda ao desenvolvimentismo ajudaram a construir o PT — como foi o caso de Weffort, Oliveira, Singer e outros. Por sua vez, alguns dos críticos do desenvolvimentismo ficaram no PMDB, depois abandonado para se fundar o PSDB, caso de Fernando Henrique, Serra, Bresser-Pereira e outros mais.

Se, no decorrer da trajetória do PT, na medida em que o partido se institucionalizava, a ideologia da organização da classe operária cedia lugar para a retomada das idéias de povo e nação, por sua vez os antigos críticos de esquerda do desenvolvimentismo agrupados no PSDB

sensibilizavam-se com os novos ventos da economia internacional, em que prevalecia o pensamento antípoda do desenvolvimentismo, privilegiando os mecanismos de mercado para regular a economia. Assim, os dois governos de FHC (1995-1998 e 1999-2002), decididos a encerrar a chamada “era Vargas”, promoveram uma expressiva privatização econômica.

Não obstante, o esgarçamento do neoliberalismo já era perceptível ao menos desde o final dos anos 1990 em escala internacional, o que daria espaço para novas elaborações da presença do Estado no planejamento da economia capitalista.

O principal aspecto da crítica de esquerda ao desenvolvimentismo foi o de que ele encobria as contradições de classe, impedindo assim que se constituísse uma classe trabalhadora autônoma e consciente de seus interesses, que acabavam diluídos na proposta de desenvolvimento nacional. Ora, o fim do chamado socialismo real no Leste europeu, a reestruturação produtiva, a mudança na organização do trabalho, os altos níveis de desemprego, certa reconstituição e reinvenção das formas de submissão do trabalho ao capital, que alguns chamariam de crise da sociedade do trabalho, acompanhada da consolidação institucional da democracia e da crescente dificuldade de organização das classes trabalhadoras, tudo isso tende a deixar em segundo plano a questão da emancipação do proletariado e da possibilidade de socialismo, pelo menos de imediato. Assim, em sintonia também com os impasses em que o neoliberalismo colocou a economia mundial, é compreensível que o pensamento e a ação política de esquerda retomem o tema do desenvolvimento, fortemente vinculado ao planejamento e à iniciativa econômica estatal.

Então, uma primeira resposta à pergunta formulada no princípio da exposição (como ressurgiu a corrente de pensamento desenvolvimentista, que se julgava parte da história passada?) passa por esses dois pontos: a crise do neoliberalismo e a crise das esquerdas. As dificuldades do mercado de um lado, e de outro os impasses na viabilização de uma alternativa socialista, com as dificuldades de organização dos despossuídos, trazem de novo propostas (diferenciadas) sobre a atuação do Estado na retomada do desenvolvimento nos marcos do capitalismo [17].

São várias as possibilidades econômicas e políticas para um desenvolvimentismo remodelado. Não vou avançar mais e dizer quais são os caminhos que me parecem mais adequados, pois não seria o caso de forçar demais o limite acadêmico do debate, fazendo propostas de ação política. As possibilidades desenvolvimentistas podem ser bem diversas, tanto que são levantadas por diferentes partidos e forças sociais. Contudo, sejam quais forem essas propostas, parece que não seria sábio retomar o desenvolvimentismo nas bases em que se formulou nos anos 1950 e 1960. Sejam quais forem as retomadas desse pensamento, indissociável da ação, é preciso não esquecer as críticas clássicas a ele e indagar-se: a quem serve o desenvolvimento? A que grupos e classes sociais? Qual seu custo

em termos ambientais? O risco de ignorar questões como essas seria repetir os erros do velho desenvolvimentismo, sem necessariamente reviver seus acertos.

Notas

[1] César Benjamin et alii. *A opção brasileira*. Rio de Janeiro: Contraponto, 1998.

[2] Ricardo Bielschowsky. *Pensamento econômico brasileiro: o ciclo ideológico do desenvolvimentismo*. 5. ed. Rio de Janeiro: Contraponto, 2000. p. 33.

[3] Francisco de Oliveira. “Economia brasileira: crítica à razão dualista”. São Paulo, *Estudos Cebrap* (2), 1972. [reeditado por Boitempo: São Paulo, 2003]

[4] Ver, entre outros: Caio Navarro de Toledo. *ISEB: fábrica de ideologias*. São Paulo: Ática, 1977. Do mesmo autor. “Intelectuais do ISEB, esquerda e marxismo”. In: João Quartim de Moraes (Org.). *História do marxismo no Brasil*, v. III. Teorias, interpretações. Campinas: Ed. da Unicamp, 1998.

[5] Cf. Caio Prado Jr. *A revolução brasileira*. São Paulo: Brasiliense, 1966.

[6] Resolução Política do V Congresso do PCB, de 1960. In: *Documentos do PCB*. Lisboa: Avante, 1976, p. 9-42.

[7] Guido Mantega. *A economia política brasileira*. 3. ed. São Paulo/Petrópolis: Polis/Vozes, 1985.

[8] Fernando H. Cardoso; Enzo Faletto. *Dependência e desenvolvimento na América Latina*. Rio de Janeiro: Zahar, 1970.

[9] Paul Singer. *Desenvolvimento e crise*. 2. ed. Rio de Janeiro: Paz e Terra, 1977.

[10] Maria da Conceição Tavares. *Da substituição de importações ao capitalismo financeiro. Ensaio sobre a economia brasileira*. Rio de Janeiro: Zahar, 1973.

[11] Francisco de Oliveira, op. cit., 1972 (2003: p. 12-13) A crítica à razão dualista não deixa de ser também, em parte, uma autocrítica: Oliveira vinculava-se ao projeto desenvolvimentista de Celso Furtado nos anos 1960. Por exemplo — num artigo avaliando a política econômica do governo Castelo Branco, para o primeiro número da *Revista Civilização Brasileira* —, Oliveira denunciava, em tom típico do nacionalismo terceiro-mundista da época, “o caráter aventureiro e antinacional desse Plano de Governo”, conclamando para combatê-lo “todas as forças interessadas no desenvolvimento autônomo da Nação”. Parece que Oliveira ainda compartilhava da interpretação de Furtado na época, sobre a estagnação da economia brasileira sob a ditadura. Francisco de Oliveira, “O plano de ação econômica do governo Castelo Branco: por que não terá êxito”. *Revista Civilização Brasileira*, n. 1, 1965, p. 128.

[12] João Manuel Cardoso de Mello. O capitalismo tardio. São Paulo: Brasiliense, 1982, p. 20 e 27.

[13] Desenvolvi uma análise da produção cultural do período, fortemente imbricada à ideologia desenvolvimentista, em: Marcelo Ridenti. Em busca do povo brasileiro: artistas da revolução, do CPC à era da TV. Rio de Janeiro: Record, 2000. Eis a “Canção do subdesenvolvido”, longa letra de Chico de Assis para a música de Carlos Lyra, gravada em 1962 no disco do Centro Popular da Cultura intitulado O povo canta: “O Brasil é uma terra de amores/ Alcatifada de flores/ Onde a brisa fala amores/Em lindas tardes de abril/Correi pras bandas do sul/ Debaixo de um céu de anil/Encontrareis um gigante deitado/ Santa Cruz, hoje o Brasil/ Mas um dia o gigante despertou/ Deixou de ser gigante adormecido/ E dele um ano se levantou/ Era um país subdesenvolvido/ Subdesenvolvido, subdesenvolvido, etc. (refrão)/ E passado o período colonial/ O país se transformou num bom quintal/ E depois de dadas as contas a Portugal/ Instaurou-se o latifúndio nacional, ai!/ Subdesenvolvido, subdesenvolvido (refrão)/ Então o bravo povo brasileiro/ Em perigos e guerras esforçado/ Mais que prometia a força humana/ Plantou couve, colheu banana./ Bravo esforço do povo brasileiro/ Que importou capital lá do estrangeiro/ Subdesenvolvido, subdesenvolvido... etc. (refrão)/ As nações do mundo para cá mandaram/ Os seus capitais desinteressados/ As nações, coitadas, queriam ajudar/ E aquela ilha velha ajudou também/ País de pouca terra, só nos fez um bem/ Um grande bem, um 'big' bem, bom, bem, bom/ Nos deu luz, ah! Tirou ouro, oh!/ Nos deu trem, ahhh! Mas levou o nosso tesouro/ ooooh! Subdesenvolvido, subdesenvolvido... etc. (refrão)/ Houve um tempo em que se acabaram/ Os tempos duros e sofridos/ Pois um dia aqui chegaram os capitais dos..Estados Unidos/ País amigo desenvolvido/ País amigo, país amigo/ Amigo do subdesenvolvido/ País amigo, país amigo/ E nossos amigos americanos/ Com muita fé, com muita fé/ Nos deram dinheiro e nós plantamos/ Nada mais que café/ E uma terra em que plantando tudo dá/ Mas eles resolveram que a gente ia plantar/ Nada mais que café/ Bento que bento é o frade — frade!/ Na boca do forno — forno!/ Tirai um bolo - bolo!/ Fareis tudo que seu mestre mandar?! Faremos todos, faremos todos.../E começaram a nos vender e a nos comprar/ Comprar borracha — vender pneu/ Comprar madeira — vender navio/ Pra nossa vela — vender pavio/ Só mandaram o que sobrou de lá/ Matéria plástica,/ Que entusiástica/ Que coisa elástica,/ Que coisa drástica/ Rock-balada, filme de mocinho/ Ar refrigerado e chiclet de bola/ E coca-cola! Oh.../ Subdesenvolvido, subdesenvolvido... etc. (refrão)/ O povo brasileiro tem personalidade/ Não se impressiona com facilidade/ Embora pense como desenvolvido/ Embora dance como desenvolvido/ Embora cante como desenvolvido/ Lá, lá, la, la, la, la/ Êh, êh, meu boi/ Êh, roçado bão/ O melhor do meu sertão/ Comeram o boi.../ Subdesenvolvido, subdesenvolvido, etc.(refrão)/ Tem personalidade!/ Não se impressiona com facilidade/ Embora pense, dance e cante como desenvolvido/ O povo brasileiro/ Não come como desenvolvido/ Não bebe como desenvolvido/

Vive menos, sofre mais/ Isso é muito importante/ Muito mais do que importante/ Pois difere os brasileiros dos demais/ Pela... personalidade, personalidade/ Personalidade sem igual/ Porém... subdesenvolvida, subdesenvolvida/ E essa é que é a vida nacional!”.

[14] Celso Furtado. Subdesenvolvimento e estagnação na América Latina. Rio de Janeiro: Civilização Brasileira, 1966.

[15] Cf. Jacob Gorender. Combate nas trevas — a esquerda brasileira: das ilusões perdidas à luta armada. São Paulo: Ática, 1987, p. 73 s.; Marcelo Ridenti. O fantasma da revolução brasileira. São Paulo: Ed. Unesp, 1993.

[16] In: REIS FILHO, Daniel Aarão; SÁ, Jair Ferreira de Sá (Orgs.). Imagens da revolução. Rio de Janeiro: Marco Zero, 1985, p. 253, 256.

[17] Vários paradoxos marcam as sociedades contemporâneas, como aquele apontado por Francisco de Oliveira: quanto mais o capitalismo se desenvolve historicamente, superando ou subordinando formas de produção precedentes, ficando portanto mais transparente, menos evidente fica o movimento das classes que o constituem, tornando-se mais complexo seu reconhecimento. Há pelo menos um outro paradoxo que é, em parte, um desdobramento desse: nos tempos passados em que o capitalismo contemporâneo ainda não se consolidara na sociedade brasileira, as esquerdas tendiam a apresentar propostas ofensivas, por vezes revolucionárias. Hoje, quando o capitalismo está plenamente estabelecido, predominam as propostas de esquerda defensivas e institucionais, em consonância com a opacidade e a complexidade da estrutura de classes, que dificultam sua organização política e até mesmo sindical. Francisco de Oliveira. O elo perdido — classe e identidade de classe. São Paulo: Brasiliense, 1987, p. 10.

А.В. Даркина

ПРОБЛЕМЫ МЕКСИКАНСКОГО УЧАСТИЯ В СЕВЕРОАМЕРИКАНСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

После террористических актов 11 сентября 2001 года в развитии североамериканской интеграции наступил новый этап, связанный с некоторыми изменениями в интеграционных политиках и стратегиях государств континента. Российская исследовательница Е.Г. Комкова полагает, что перемены были вызваны тем, что партнеры по НАФТА вынуждены «перенести акцент с общей в 1990-е годы задачи поддержания высоких темпов экономического роста на борьбу с международным терроризмом»¹. Американские и канадские исследователи, анализируя значение террористических актов 11 сентября для развития интеграционных процессов, указывают на то, что «до 2001 года экономические отношения и сотрудничество в сфере безопасности развивались изолированно... террористические атаки вынудили США активизировать свои усилия, направленные на сотрудничество в сфере безопасности»². Правительства США, Канады и Мексики предприняли попытку координации своих внешнеполитических усилий, что вылилось в заключение в 2005 году соглашения «Партнерство безопасности и процветания в Северной Америке»³. По мнению американских исследователей А. Моэнса и В. Каста, «Партнерство» следует определять как «соглашение, призванное стимулировать переговоры по широкому кругу вопросов, связанных со стандартами, предъявляемыми к продуктам, государственным регулированием торговли, продуктовой безопасностью, энергетикой, окружающей средой, а также разнообразными мерами безопасности, связанными с пересечением границ»⁴.

Институционально «Партнерство» не связано с НАФТА, являясь самостоятельным и параллельно развивающимся проектом. С другой стороны, американские и канадские аналитики и исследователи указывают на то, что связь между двумя интеграционными проектами существует, в первую очередь – в сфере экономики. Например, Грэг Андерсон (Университет Алберты) и Кристофер Сэндз (Институт Хадсона) полагают, что «Партнерство во имя безопасности и процветания в Северной Америке» представляет собой «процесс технических переговоров относительно правил регулирования в сфере экономики и безопасности»⁵. Сторонники трансформации экономической интеграции в политическую указывают на возможность посте-

пенной трансформации НАФТА в Североамериканский Союз по аналогии с Европейским Союзом.

Американские и канадские эксперты полагают, что в рамках реализации программы «Партнерства», которое воспринимается ими как «трехсторонняя инициатива, направленная на активизацию сотрудничества и обмен информацией с целью поддержания безопасности и процветания в Соединенных Штатах, Канаде и Мексике»⁶, США следует более активно учитывать позиции своих партнеров не только ввиду необходимости развития интеграции, но и в силу того, что «мощь и могущество США не являются решающими факторами во всех переговорах»⁷ с североамериканскими партнерами, которые помимо собственного политического и экономического веса, обладают и «хорошо развитыми дипломатическими традициями сопротивления давлению со стороны США»⁸. Именно поэтому лидерами США, Канады и Мексики проведено несколько саммитов, призванных координировать усилия и корректировать позиции в сфере безопасности и дальнейшего углубления экономической интеграции. Первый саммит состоялся в марте 2005 года и проходил на базе Бэйлорского Университета в Вако⁹ (Техас). В ходе встречи Джордж Буш, П. Мартин и В. Фокс приняли совместное заявление, в котором говорилось о создании Североамериканского партнерства¹⁰. Проведение саммита вызвало значительный интерес в рамках североамериканских обществ. Американские исследователи достаточно быстро отреагировали рядом работ, основная идея которых сводилась к тому, что «Партнерство» в большей степени преследует экономические, нежели другие (политические) цели¹¹. Комментируя подписание «Партнерства», американские исследователи А. Моэнс и М. Каст подчеркивают, что его нельзя рассматривать как аналог «плана Шумана» для Северной Америки¹². В этом контексте очевидным становится то, что американская Администрация и ее североамериканские партнеры взяли курс на углубление экономической интеграции без создания значительного политического измерения в интеграционных процессах.

После завершения саммита в Вако американскими и канадскими экспертами был подготовлен специальный (девятистодвухстраничный) документ, призванный стать своеобразным путеводителем по развитию интеграционных инициатив в рамках «Партнерства в сфере безопасности и процветания». Отчет, состоящий из двух частей, призван показать консолидированные позиции США, Канады и Мексики относительно двух целей североамериканской интеграции – процветания и безопасности. Большая часть отчета посвящена экономиче-

ским проблемам. Что касается сотрудничества в сфере безопасности, то в 2005 году североамериканские эксперты указывали на необходимость дальнейшего углубления приграничного сотрудничества в сфере внедрения новых технологий (биометрические паспорта и т.д.)¹³; координирования усилий в сфере регулирования миграционных потоков между североамериканскими государствами – в первую очередь, из Канады и ее латиноамериканских соседей в США и Мексику¹⁴; согласования мероприятий, направленных на обеспечение продовольственной безопасности¹⁵; совместное развитие безопасности в сфере авиационного транспорта, что позволит избежать новых террористических актов или снизить степень их вероятности¹⁶; коллективные усилия в сфере борьбы против международного терроризма (взаимное составление списков террористических групп и организаций, борьба с финансированием терроризма, принятие соглашений об обмене информацией и т.д.)¹⁷.

Эти вопросы обсуждались на последующих саммитах североамериканских лидеров, но принципиальных соглашений достигнуто не было, что было вызвано и особенностями программы «Партнерства». Американские исследователи М. Ангелес Вилларреал и Дж. Лэйк подчеркивают, что «Партнерство» не содержит положений, которые обязывали бы его участников принимать те или иные действия, направленные на реализацию итогов переговоров и консультаций между лидерами трех североамериканских государств¹⁸. Именно поэтому интеграция в Северной Америке продолжала развиваться преимущественно в контексте отношений и договоренностей между отдельными акторами. В ходе саммита 2007 года в Монтеблло (Квебек) Дж. Буш, В. Фокс и С. Харпер приняли решение о создании Североамериканского Совета по конкурентоспособности¹⁹, призванного действовать в тандеме с соглашением НАФТА. Это мероприятие было встречено почти полным отсутствием к нему интереса со стороны крупнейших канадских, американских и мексиканских корпораций. Очередной саммит, вызвавший больше критики со стороны противников углубления интеграции²⁰, нежели принесший реальные результаты, также состоялся в Монтеблло в августе 2007 года. Попытки американских лидеров привлечь корпорации к более активной роли в реализации «Партнерства» не принесли ожидаемых результатов в силу того, что американский, мексиканский и канадский бизнес считал экономически нецелесообразным создавать новые интеграционные объединения наряду с существующей НАФТА.

Следующий саммит состоялся в Новом Орлеане (США)²¹ в апреле 2008 года, когда президент Джордж Буш-мл. озвучил необходи-

мость скоординированных действий участников североамериканской интеграции в Западном полушарии и в мире в целом²². Американские исследователи не исключают трансформации НАФТА в НАСРА – Североамериканская зона стандартов и регулирования (North American Standards and Regulatory Area, NASRA). Предполагается, что НАСРА в отдаленной перспективе может заменить НАФТА и «Партнерство», функционируя как исключительно экономический проект без политической составляющей²³.

Анализируя проблемы углубления североамериканской интеграции, следует принимать во внимание и проект, известный как «Independent Task Force on North America». В реализации этого проекта участвуют несколько влиятельных североамериканских научно-исследовательских учреждений, среди которых Совет по внешним отношениям США и Мексики (Council on Foreign Relations), а также канадские эксперты. На протяжении 2004 – 2005 годов американские, мексиканские и канадские аналитики подготовили ряд отчетов «Выстраивая Североамериканское сообщество»²⁴, «Создавая Североамериканское сообщество»²⁵ и «Призыв трех наций к созданию в 2010 году Североамериканского экономического сообщества и Сообщества безопасности»²⁶, в которых обосновывалась необходимость углубления и расширения североамериканской интеграции.

Авторы проекта «Building a North American Community» связывают необходимость политической интеграции с экономическими стимулами, в частности – с тем, что партнеры США по НАФТА – Канада и Мексика – являются наиболее крупными поставщиками нефти, газа и электроэнергии в Соединенные Штаты²⁷.

Значительная часть американских и канадских экспертов в отношении «Партнерства» акцентирует внимание на необходимости сочетания экономических и политических интересов. Грэг Андерсон и Кристофер Сэндз указывают на то, что «Партнерство представляет собой стимул для дискуссий относительно будущих соглашений в сфере экономической интеграции, направленной на создание единого рынка... и будущих соглашений в сфере безопасности против потенциальных террористических атак»²⁸. Именно возможностью использовать интеграционные процессы для устранения внешнеполитических рисков и угроз следует объяснять и то, что интерес к этой проблеме проявляет и Департамент Внутренней Безопасности США²⁹. С другой стороны, реальных шагов для создания нового измерения – измерения безопасности – в рамках североамериканской интеграции предпринято не было.

Американские и канадские аналитики в этом отношении настроены весьма умеренно, полагая, что «Партнерство» является своеобразным приложением к НАФТА, нежели самостоятельным интеграционным проектом. С другой стороны, указывается и на то, что более чем десятилетняя история НАФТА привела к позитивным переменам в национальных экономиках США, Канады и Мексики, которым следует более активно координировать свои усилия на пути создания «североамериканского экономического пространства» («North American Economic Space»³⁰).

Интерес американских и канадских экспертов к европейскому опыту интеграции продиктован в большей степени не стремлением использовать европейский опыт, а желанием избежать трансформации североамериканского интеграционного проекта из преимущественно экономического в политическое объединение. Американские исследователи А. Моэнс и М. Каст подчеркивают, что НАФТА и «Партнерство» не могут рассматриваться как шаги к созданию некоего Североамериканского Союза как регионального аналога ЕС: «В отличие от государств – членов Европейского Союза, правительства и общественность трех стран Северной Америки не имеет ни интереса, ни планов к созданию политического союза»³¹. Противники значительной политизации интеграции оперируют, как правило, экономическими аргументами. Их оппоненты используют аргументацию, связанную с проблемами безопасности.

Сторонники трансформации экономической интеграции в политическую полагают, что политическое измерение НАФТА необходимо в силу необходимости обеспечения безопасности³². Факторами, которые могут способствовать возникновению политического измерения в североамериканской интеграции, по мнению ряда американских, канадских и мексиканских аналитиков, является то, что США, Канада и Мексика в одинаковой степени привержены ценностям демократии, прав и свобод человека. В одном из наиболее важных текстов («Building a North American Community») сторонников трансформации экономической интеграции в политическую декларируется, что «Северная Америка – это больше чем просто проявление общей географии. Это – партнерство суверенных государств с общими интересами в сфере экономики и безопасности, где изменения в одной стране отражаются и на двух других»³³.

Американские исследователи и аналитики, которые занимаются популяризацией идеи углубления североамериканской интеграции, указывают на то, что североамериканская интеграция не ставит в качестве своих целей ликвидацию национальной государственности

США, Канады и Мексики, разрушение американской, канадской и мексиканской идентичности. Американские исследователи исходят из уверенности в том, что интеграция в рамках НАФТА не может привести к радикальным переменам в развитии идентичности в силу того, что участники североамериканской интеграции обладают различными политическими и экономическими потенциалами³⁴. Некоторые аналитики полагают, что участие, например, Мексики в НАФТА, наоборот, способствовало консолидации и укреплению мексиканской национальной и политической идентичности³⁵.

В целом, авторы «Building a North American Community» формулирует весьма умеренный список того, что следовало бы изменить или учредить в рамках североамериканской интеграции. Ими, в частности, указывается на необходимость проведения ежегодных североамериканских саммитов для стимулирования «североамериканского партнерства»³⁶. Кроме этого, предлагается активизировать межгосударственные контакты на правительственном уровне, а также создания ряда консультативных наднациональных органов – «A North American Advisory Council»³⁷, «A North American Inter-Parliamentary Group»³⁸ – призванных координировать интеграционные усилия США, Канады и Мексики. Кроме этого, о необходимости создания новых межгосударственных институтов подчеркивалось и в «Creating a North American Community». Эти новые предполагаемые структуры обозначаются как институты, призванные упрочить Североамериканское сообщество³⁹. Предполагается, что такое углубление интеграции отвечает интересам граждан США, Канады и Мексики, которые объединены «желанием жить в защищенных и безопасных обществах» со значительными «экономическими возможностями и сильными демократическими институтами»⁴⁰.

Подводя итоги статьи, следует принимать во внимание ряд факторов. Концепты политической интеграции, которые к настоящему времени на территории Северной Америки не реализуются, обладают рядом особенностей, которым следует уделить особое внимание. Отличная характеристика проектов политической интеграции состоит в том, что ее сторонники предлагают не столько политическую интеграцию с созданием надгосударственных институтов, сколько стратегическую с целью обеспечения и гарантирования национальной безопасности США, Канады и Мексики. В рамках этих проектов под сомнение не ставится суверенитет трех участников НАФТА. Предполагается, что общие усилия, направленные на обеспечение безопасности, смогут позитивно повлиять на темпы экономической интеграции.

По причине того что приоритетным направлением в рамках североамериканской интеграции является экономическая, страны-участники НАФТА стремятся не просто координировать свои внешнеэкономические инициативы, но и выдвигать их, отталкиваясь от реальных возможностей североамериканских экономик. В силу этого обстоятельства интеграция в Северной Америке имеет два измерения. Первое – реальные инициативы, предпринимаемые в рамках НАФТА, второе – проекты по углублению интеграции, которые выдвигаются различными исследовательскими и экспертными сообществами США, Канады и Мексики⁴¹.

«Партнерство во имя безопасности и процветания в Северной Америке», подобно самой идее Североамериканского Союза, принадлежало до 2005 года к числу проектов концептуального плана, изучением которого занимаются канадские, американские и мексиканские экспертные сообщества⁴², в то время когда национальные правительства США, Канады и Мексики предпочитают заниматься проблемами экономической интеграции в рамках НАФТА. В отличие от идеи Североамериканского Союза, экспертные сообщества вынудили лидеров Мексики, США и Канады перевести дискуссии относительно «Партнерства» из университетских аудиторий и специальных конференций в сферу реальной политики. При этом Американская Администрация в период президентства Джорджа Буша-младшего не проявляла особых амбиций в деле трансформации НАФТА на политических принципах. Число политических консультаций и их эффективность явно уступает экономическим последствиям НАФТА, хотя в российской американистике имеют место попытки интерпретировать латиноамериканскую политику Дж. Буша-мл. как «новое издание панамериканизма» – реставрацию тех принципов, которыми руководствовались США в 1960 – 1970-е годы⁴³.

«Партнерство» не стало политическим дополнением или альтернативой преимущественно экономической НАФТА. В рамках «Партнерства» созданы рабочие группы (Working Groups), призванные заниматься расширением преимущественно экономических вопросов, связанных с передвижением товаров и услуг, регулированием пошлин и налогов, что свидетельствует о наличии у проекта североамериканской интеграции мощного экономического основания, что является важнейшей особенностью всех интеграционных процессов в Западном полушарии.

¹ Комкова Е.Г. Новый этап американо-канадской интеграции / Е.Г. Комкова // США - Канада: экономика, политика, культура. - 2008. - № 5. - С. 15

- ² Anderson G., Sands Ch. Negotiating North America: The Security and Prosperity Partnership / G. Anderson, Ch. Sands. - NY., 2007. - P. 3.
- ³ Security and Prosperity Partnership in North America - SPP.
- ⁴ Moens A., Cust M. Saving the North American Security and Prosperity Partnership: The Case for a North American Standards and Regulatory Area / A. Moens, M. Cust. - Washington, 2008. - P. 1.
- ⁵ Anderson G., Sands Ch. Op. cit. - P. 1.
- ⁶ Angeles Villarreal M., Lake J.E. Security and Prosperity Partnership of North America: An Overview and Selected Issues / M. Angeles Villarreal, J.E. Lake. - Washington, 2009. - P. II.
- ⁷ Anderson G., Sands Ch. Op. cit. - P. 5.
- ⁸ Ibid. - P. 5.
- ⁹ В ряде случаев транслитерируется как «Уэйко».
- ¹⁰ Комкова Е.Г. Новый этап американо-канадской интеграции / Е.Г. Комкова // США - Канада: экономика, политика, культура. - 2008. - № 5. - С. 29.
- ¹¹ Ackleson J., Kastner J. The Security and Prosperity Partnership of North America. Paper presented at the biennial meeting of the Association for Canadian Studies in the United States. Saint Louis (November 18) / J. Ackleson, J. Kastner // <http://fss.k-state.edu/research/conference/AcklesonKastnerACSUS-ARCS20051206.pdf>
- ¹² Американские исследователи А. Моэнс и М. Каст категорически заявляют, что «...the Waco Summit declaration of 2005 that launched SPP was no Schuman Plan...». См.: Moens A., Cust M. Op. cit. - P. 5.
- ¹³ Security and Prosperity Partnership of North America. Report to Leaders. June 2005. - Washington, 2005. - P. 63.
- ¹⁴ Ibid. - P. 64.
- ¹⁵ Ibid. - P. 70.
- ¹⁶ Ibid. - P. 75.
- ¹⁷ Ibid. - P. 83.
- ¹⁸ Angeles Villarreal M., Lake J.E. Op. cit. - P. 1.
- ¹⁹ Комкова Е.Г. Новый этап американо-канадской интеграции. - С. 29.
- ²⁰ Troster A. Taking to the Streets. Thousands gather in Ottawa, in Montebello and across Canada to oppose the SPP / A. Troster // Canadian Perspectives. - 2007. - Autumn. - P. 13 - 14; Howatt S. Raging Grannies take to the water to fight bulk exports / S. Howatt // Canadian Perspectives. - 2007. - Autumn. - P. 17.
- ²¹ Проведение саммита именно в Новом Орлеане вызвало критику со стороны противников НАФТА и углубления экономической интеграции, ее трансформации в политическую. См.: Barlow M. Summit Without Citizens: A personal perspective of the SPP meeting in New Orleans / M. Barlow // Canadian Perspectives. - 2008. - Summer. - P. 8 - 9; Shrybman S. How NAFTA Fools the People. Why it's time to pull the plug on this trade agreement / S. Shrybman // Canadian Perspectives. - 2008. - Summer. - P. 10.
- ²² См. официальный пресс-релиз американского президента: President Bush to Host North American Leaders' Summit. Press release // <http://www.whitehouse.gov/news/releases/2008/01/20080131.html>.
- ²³ Moens A., Cust M. Op. cit. - P. 2 - 3.
- ²⁴ Building a North American Community. - NY., 2005.
- ²⁵ Creating a North American Community. - NY., 2005.
- ²⁶ Trilateral Call for a North American and Economic and Security Community by 2010. - NY., 2005.
- ²⁷ Building a North American Community. - NY., 2005. - P. XVII.
- ²⁸ Anderson G., Sands Ch. Op. cit. - P. 1.
- ²⁹ О подобном интересе, например, свидетельствует документ, размещенный на официальном сайте Департамента Внутренней Безопасности США в июне 2005 года. U.S. Department of Homeland Security. "Security and Prosperity Partnership: Implementation Report-Security Agenda," June 27, 2005 // http://www.spp.gov/SECURITY_FACT_SHEET.pdf?dName=fact_sheets Принимая во внимание специфику работы Департамента Внутренней Безопасности, число текстов, находящихся в открытом доступе, является крайне ограниченным, что осложняет изучение деятельности настоящего американского ведомства в развитии интеграционных процессов в Северной Америке.
- ³⁰ Building a North American Community. - P. 18.
- ³¹ Moens A., Cust M. Saving the North American Security and Prosperity Partnership: The Case for a North American Standards and Regulatory Area. - P. 20.
- ³² Building a North American Community. - NY., 2005. - P. 1.
- ³³ Ibid. - P. 2.
- ³⁴ Toward a North American Community? A Conference Report / ed. Emily Heard. - Washington, 2002. - P. 2.
- ³⁵ Ibid. - P. 1.
- ³⁶ Ibid. - P. 31.
- ³⁷ Назначение этого органа описано весьма расплывчато, а именно - «**A North American Advisory Council**. To ensure a regular injection of creative energy into the various efforts related to North American integration, the three governments should appoint an independent body of advisers. This body should be composed of eminent persons from outside government, appointed to staggered multiyear terms to ensure their independence. Their mandate would be to engage in creative exploration of new ideas from a North American perspective and to provide a public voice for North America». См.: Building a North American Community. - P. 31.
- ³⁸ Описывая функции этого предполагаемого органа, интеграционные оптимисты ограничились общими и отвлеченными формулировками - «**A North American Inter-Parliamentary Group**. The U.S. Congress plays a key role in American policy toward Canada and Mexico, and conducts annual meetings with counterparts in Mexico and in Canada. There is currently no North American program. Bilateral inter-parliamentary exchanges can suffer from limited participation, especially by the most influential legislators». См.: Building a North American Community. - P. 31.
- ³⁹ Creating a North American Community. Chairmen's Statement Independent Task Force on the Future of North America. - NY., 2005. - P. 9.

⁴⁰ Building a North American Community. - NY., 2005. - P. 32.

⁴¹ К числу таких проектов относится, например, проект введения единой североамериканской валюты - амеро.

⁴² О восприятии идеи политической интеграции в Северной Америке, о позициях правящих элит США и Канады см.: Володин Д.А. США - Канада: отношения в области обороны и безопасности / Д.А. Володин // США - Канада: экономика, политика, культура. - 2007. - № 5. - С. 23 - 34; Комкова Е.Г. Новый этап американо-канадской интеграции / Е.Г. Комкова // США - Канада: экономика, политика, культура. - 2008. - № 5. - С. 15 - 30.

⁴³ Шереметьев И.К. Новое издание панамериканизма. Латиноамериканская политика Д. Буша / И.К. Шереметьев. - М., 2005. - С. 7 - 9.

А.В.Погорельский
**КУБИНСКИЙ ВАРИАНТ РЕВОЛЮЦИОННОЙ
МОДЕРНИЗАЦИИ И ЕГО ПЕРСПЕКТИВЫ**

Революция, произошедшая на Кубе в 1959, году без преувеличения привлекла к себе внимание всего мира. И это обстоятельство вполне объяснимо. Маленькое, слабо развитое государство, типичная «банановая республика» бросила открытый вызов самой мощной державе мира - Соединенным Штатам Америки. Куба в те годы для многих людей во всем мире стала символом независимого развития и одновременно полигоном, где проходил проверку практикой революционный вариант модернизации латиноамериканского общества.

С момента провозглашения формальной независимости и вплоть до победы революции Куба находилась в очень сильной зависимости от США, которые полностью контролировали ее экономику и политическую жизнь. Недовольство таким положением дел среди кубинцев накапливалось постепенно и рано или поздно должно было вырваться наружу. Особенно ситуация на острове накалилась после того как 10 марта 1952 в стране произошел государственный переворот, в результате которого на Кубе утвердился один из самых реакционных режимов в Латинской Америке. Захвативший власть генерал Фульхенсио Батиста отменил действие конституции и установил диктаторский режим. Его правление сопровождалось дальнейшим ростом экономической зависимости от США, а также прогрессирующей криминализацией кубинской экономики. Население страны продолжало жить в бедности. Забастовки и протесты беспощадно подавлялись. В результате правительственного террора за время диктатуры Батисты погибло не менее 20 тыс. человек. Оппозиция не смогла оказать военному перевороту серьезного сопротивления. Республиканская, Либеральная и часть Демократической партии перешли на сторону Батисты. Коммунисты, называвшиеся теперь Народно-социалистической партией, были в 1953 запрещены. В авангарде борьбы против диктаторского режима выступили радикально настроенные студенты, которые были твердо убеждены, что, пока у власти находится Батиста, никаких перспектив у Кубы нет.

Первая попытка свергнуть режим Ф. Батисты была предпринята 26 июля 1953 когда группа студентов во главе с Фиделем Кастро совершила нападения на военные казармы Монкада в Сантьяго-де-Куба. Организаторы акции надеялись вызвать восстание, но потерпели неудачу. Ф.Кастро и другие участники выступления были приго-

ворены к длительному тюремному заключению. 1 ноября 1954 прошли всеобщие выборы. Кандидатом на пост президента от правительственной Партии объединенного действия, а также Либеральной, Демократической партий и Радикального союза был выдвинут Батиста. Около половины избирателей бойкотировали выборы, но их исход был предreshен. Батиста занял пост президента Кубы. Но это не могло остановить растущее сопротивление против диктатуры.

В 1955 году Батиста, стремившийся улучшить свой имидж объявил об амнистии и участники нападения на казарму Монкада эмигрировали в Мексику. Создав военно-политическую организацию Движение 26 июля, они приступили к подготовке восстания на Кубе. В декабре 1956 группа повстанцев во главе с Ф.Кастро высадилась на острове с яхты "Гранма" и после первых неудачных боев закрепилась в горах Сьерра-Маэстра, положив начало Первому партизанскому фронту. В том же году активисты Федерации университетских студентов создали собственную вооруженную организацию - Революционный директорат. 13 марта 1957 его силы совершили неудачное нападение на президентский дворец в Гаване. К началу 1958 силы Ф.Кастро заняли часть провинции Орьенте. В течение следующего года повстанческое движение распространилось на всю страну. Повстанческая армия Ф.Кастро заняла провинцию Орьенте, посланные им отряды Камилло Сьенфуэгоса и Эрнесто Че Гевары завладели провинцией Лас-Вильяс и двинулись на столицу страны. В центральной части острова (горы Сьерра-дель-Эскамбрай) студенческие отряды образовали Второй фронт. На западе Кубы (в Пинар-дель-Рио) действовал Третий партизанский фронт. Понимая, что крах его режима неизбежен, Батиста бежал из страны. В начале января 1959 силы партизан во главе с Ф.Кастро вступили в Гавану.

3 января 1959 временным президентом Кубы был объявлен видный деятель умеренного крыла оппозиции Мануэль Уррутия Льео, во главе правительства встал Миро Кардона. Однако уже в феврале 1959 было создано Революционное правительство во главе с Ф.Кастро, и его сторонники были назначены на все важнейшие государственные посты. Президентский пост, имевший теперь формальное значение, в июле 1959 перешел к члену Движения 26 июля Освальдо Дортикосу Торрадо. Создавались специальные «революционные трибуналы», судившие не только сторонников Батисты, но также оппозиционеров. В ноябре 1959 власти взяли под свой контроль профсоюзное движение страны.

В новом руководстве Кубы первоначально не было единого представления о масштабах дальнейших реформ. В мае 1959 прави-

тельство издало декрет об аграрной реформе. В соответствии с ним, на Кубе были ликвидированы частные латифундии и землевладение иностранцев. Более 40% земель перешли в государственный сектор сельского хозяйства, остальные - распределены среди крестьян. Реформа нанесла удар по американским сахарным компаниям и вызвала недовольство США.

Надежды Фиделя Кастро на возможность договориться с США, быстро таяли. США угрожали уменьшить ввоз кубинского сахара и ограничить туризм. Американские фирмы стали сворачивать инвестиции на Кубе. В 1960 США ввели эмбарго на импорт сахара с Кубы, сократили нефтяные и продовольственные поставки. В ответ на действия Соединенных Штатов кубинские власти осуществили в августе - октябре 1960 национализацию предприятий, принадлежащих американским, а также крупным и средним кубинским предпринимателям. В руках государства оказались до 90% промышленности. Необходимо отметить, что после прихода к власти Фидель Кастро далеко не сразу провозгласил курс на построение социалистического общества. Это было сделано лишь после того как администрация президента США Джона Кеннеди отказалась вести какой-либо диалог с новой кубинской властью и 2 января 1961 разорвала дипломатические отношения с Кубой. В апреле того же года США поддержали высадку отряда в 1500 вооруженных кубинских оппозиционеров в заливе Кочинос. Но эта акция потерпела полную неудачу, отряд был разгромлен. Поскольку для Кастро было очевидно, что США не оставят попыток свергнуть негодное им новое кубинское правительство и рассчитывая на помощь СССР в укреплении обороноспособности и экономики острова Ф.Кастро провозгласил 1 мая 1961 кубинскую революцию «социалистической».

После этого новые власти страны подвергли разгрому оппозицию. Деятельность оппозиционных партий была прекращена, а три лояльные организации (Революционное движение 26 июля, Народно-социалистическая партия и Революционный директорат 13 марта) объединены в единую государственную партию, которая в 1965 стала называться Коммунистической. Многие противники режима не только «справа», но и «слева» подверглись жестоким преследованиям, были арестованы или погибли.

По мере ухудшения отношений с США, укреплялись связи Кубы с СССР. В 1962 США ввели эмбарго на торговлю с Кубой, добились ее исключения из Организации Американских Государств, а в 1964 - введения со стороны ОАГ дипломатических и торговых санкций против Кубы. В 1962 на острове были размещены советские ракеты

средней дальности. Размещение советских ракет привело к «Карибскому ракетному кризису», который едва не обернулся началом Третьей мировой войны. Лишь благодаря тому, что лидеры СССР и США Н. Хрущев и Д. Кеннеди смогли преодолеть взаимное недоверие и начать прямой диалог кризис был успешно разрешен и советские ракеты были выведены с Кубы. Несмотря на то что, США дали обещания не вторгаться на остров, Ф.Кастро был недоволен компромиссом, и это привело к некоторому охлаждению отношений между Гаваной и Москвой. Зато расширились связи правительства Кубы с Китайской Народной Республикой, лидер которой Мао Цзэдун призывал к более жесткому антиамериканскому курсу.

Фидель Кастро провозгласил намерение обеспечить экономическую независимость Кубы, для чего предполагалось развернуть форсированную индустриализацию. Однако на осуществление амбициозных промышленных проектов не было денег. На острове также не было сырья для обрабатывающей промышленности. В мае 1963 Ф.Кастро отправился в СССР и согласился ориентироваться на первоочередное развитие производства сахара. Одновременно в 1963 была начата новая аграрная реформа, и к 1969 все аграрные хозяйства были национализированы за исключением 30% земель, оставшихся в индивидуальном владении.

На первых порах Куба действительно добилась значительных успехов в модернизации практически всех аспектов жизни общества. Власти сумели добиться определенной стабилизации экономического положения: обеспечить почти 4%-ный ежегодный рост ВВП, построить и расширить предприятия легкой, металлургической и других отраслей, ликвидировать безработицу и несколько поднять жизненный уровень населения. Кубинская медицина оказалась на передовых позициях в Латинской Америке. В 1972 Кубу приняли в Совет экономической взаимопомощи.

В области внешней политики правительство Ф.Кастро в 1960-х и 1970-х годах проводило курс на противостояние США и их союзникам. Во второй половине 1960-х годов Куба поддерживала повстанческие движения в странах Латинской Америки. В 1975 кубинское правительство направило 15-тысячный корпус в Анголу, где оказало помощь одной из противоборствующих военно-политических групп Народному движению за освобождение Анголы. В 1977 кубинские войска помогли просоветскому правительству Эфиопии в войне с соседним Сомали.

В 1970-х годах кубинское руководство приступило к оформлению своего режима по образцу СССР. В 1975 был проведен первый

съезд правящей и единственно легальной Коммунистической партии (КПК), в 1976 принята новая конституция и проведены выборы в органы власти. Ф.Кастро сосредоточил в своих руках широкие функции главы государства и правительства. Были перестроены также органы управления на всех уровнях.

В 1970-х и начале 1980-х годов кубинская экономика быстро развивалась. Однако затем этот процесс приостановился. Все более давали о себе знать хозяйственные диспропорции. Сказались также слабая техническая оснащенность хозяйства, невысокая производительность труда и последствия американской блокады. Неблагоприятно складывалась внешнеполитическая конъюнктура, что больно ударило по всей финансовой системе страны и лишило Кубу тех средств, которые планировалось инвестировать в развитие экономики. Большие средства направлялись на поддержание боеспособности вооруженных сил Кубы. После распада главного торгового партнера - СССР экономическое положение страны стало критическим. Производство в сельском хозяйстве стало падать, валютно-финансовая ситуация страны оказалась крайне тяжелой. Многие иностранные наблюдатели предрекали крах режиму Фиделя Кастро, однако, несмотря на серьезные трудности, он выстоял и Куба продолжила отстаивать собственный вариант общественного развития и пытаться придать новый импульс начатому в начале 60-х годов процессу модернизации.

В условиях тяжелейшего экономического кризиса и сохранявшейся американской блокады Куба провозгласила наступление «особого периода в мирное время» и вынуждена была взять курс на выживание под лозунгом «Социализм или смерть!» Это предполагало жесткую экономию всех средств и ресурсов, уменьшение социальных расходов, усиление нормирования, прекращение интернациональной помощи другим странам. Одновременно правительство Кубы приступило к проведению ряда реформ, которые включали определенную либерализацию и внедрение элементов рыночной экономики. В апреле 1991 Ф.Кастро смягчил ограничения на зарубежные поездки и эмиграцию для взрослых граждан Кубы. Четвертый съезд КПК высказался за проведение экономических реформ при условии сохранения ключевых позиций за государством. Заявив о намерении «защитить социализм», Ф.Кастро в то же время выступил за ограниченный допуск частной инициативы и привлечение в страну иностранных инвестиций. Конституционные поправки 1992 гарантировали свободу вероисповедания. Был принят новый избирательный закон, согласно которому половина депутатов подлежала прямому

избранию в ходе тайного голосования. В июле 1993 Ф.Кастро заявил о допущении американского доллара в качестве платежного средства. В сентябре того же года правительство смягчило государственную монополию в аграрной отрасли. Оно разрешило создавать кооперативы, самостоятельно определяющие собственную производственную деятельность, привязало доходы крестьян к результатам урожая и разрешило частную обработку пустующих участков земли.

В мае 1994 года Национальная Ассамблея Кубы приняла программу финансового оздоровления с целью изъятия из обращения инфляционных денег и сбалансирования бюджета. Для ликвидации высокого уровня инфляции и дефицита госбюджета, достигшего 1/3 ВВП, началось реформирование финансовой системы: были введены новые цены на товары и налоги, сокращалось финансирование убыточных предприятий, уменьшались расходы на содержание госаппарата, была либерализована торговля алкогольной продукцией и табаком.

В страну стали привлекаться иностранные инвестиции. В соответствии с законом, утвержденным Национальной ассамблеей в сентябре 1995, иностранные предприниматели и фирмы могли с разрешения правительства открывать на Кубе полностью принадлежащие им предприятия и вывозить прибыли за рубеж. Была разрешена покупка земли. Новые правила распространялись и на кубинских эмигрантов. Только в первой половине 1997 было создано более 80 совместных предприятий.

Однако приток иностранного капитала был существенно ограничен после принятия Конгрессом США закона Хелмса-Бэртона (1996), который вводил новые экономические санкции против Кубы и перекрывал ей доступ к необходимым источникам валюты.

Пятый съезд КПК в 1997 объявил, что экономический спад в стране преодолен, а небольшой рост ВВП возобновился. Однако положение населения оставалось тяжелым, а нищета росла. Уровень жизни в среднем не достигал показателей 1989, здравоохранение находилось в кризисном состоянии. Развитие рыночных элементов в экономике страны обострило ряд социальных проблем, распространились преступность и проституция. Безработица, по официальным данным, достигла 7%.

К 1999 экономическое положение относительно стабилизировалось, прежде всего, благодаря развитию туризма и денежным переводам от кубинских эмигрантов. Валовой общественный продукт вырос на 6%. Вследствие ухудшения социально - экономической ситуации на Кубе в 1990-х и 2000-х годах оживилась нелегальная деятель-

ность оппозиционных групп. Первое время власти терпели существование этих кружков, независимых инициатив, групп и культурных центров, но, в конце концов, они подверглись преследованиям. Так, в 1997 были арестованы четыре члена «Рабочей группы внутреннего диссидентства» и два независимых журналиста. В 1999 Национальная ассамблея приняла Закон о защите национальной независимости и хозяйства Кубы. Согласно вводимым правилам, деятельность, наносящая ущерб государству или служащая интересам США, наказывается заключением на срок до 30 лет. В том же году власти задержали на короткий срок более 100 оппозиционных активистов и независимых журналистов. В 2003 кубинские власти обрушили новые репрессии на оппозицию. 75 «диссидентов» были приговорены к тюремному заключению на общий срок в 1454 года, трое молодых людей, несмотря на многочисленные протесты во всем мире, казнены. По всему острову прокатились аресты правозащитников и независимых рабочих активистов.

В более благоприятных условиях действует оппозиционное движение в эмиграции, организационно оформленное в 90-е гг. в два центра. Один из них в Майами (где проживает около 1 миллиона кубинских эмигрантов) под названием «Национальный фонд американских кубинцев» объединил правые антикастровские группы и выступил за проведение жесткой политики против Кубы, вплоть до насильственного свержения режима Ф. Кастро. Другая, более умеренная организация - «Демократическая платформа Кубы» действует в Мадриде. Она выступает за мирный переход от тоталитарного правления к представительной демократии путем проведения свободных выборов под контролем международного сообщества.

Отношения Кубы с США в 1990-х годах оставались напряженными. В 1992 США ужесточили положения закона об эмбарго, заявив, что оно будет отменено только после проведения на острове многопартийных выборов. Опасаясь растущего потока беженцев с Кубы, американские власти отменили право на предоставление им убежища, тысячи из них были интернированы. США запретили живущим на их территории эмигрантам переводить валютные средства на Кубу. В 1994 обе страны договорились, что США будут принимать по 20 тысяч беженцев в год в обмен на обязательство кубинских властей пресечь дальнейшее бегство с острова. Остальные подлежали депортации обратно на Кубу. В 1996 г. конгресс США принял закон, запретивший продажу на территории страны продуктов и изделий кубинского производства, а также разрешал санкции против лиц и фирм, участвующих в совместных с Кубой предприятиях. В начале

1999 президент США Билл Клинтон несколько смягчил санкции против Кубы, разрешив прямое почтовое сообщение и осуществление денежных переводов из США на Кубу.

В настоящее время американские санкции против Кубы продолжают действовать, и новая администрация Б. Обамы напрямую увязывает их отмену с проведением на острове свободных выборов и либерализацией антидемократического политического режима.

С конца 1990-х годов расширились связи Кубы со странами ЕС. В 1996 европейские государства впервые поддержали в ООН резолюцию с призывом отменить американское эмбарго. В то же время, они требовали, чтобы на острове соблюдались основные права человека и были освобождены политзаключенные. В 1997 Кубу посетил министр иностранных дел Канады, договорившись о развитии экономических и политических связей. В том же году по случаю приезда на Кубу папы римского Иоанна Павла II жители острова отмечали Рождество, впервые с 1969 года, когда рождественский праздник был запрещен как религиозный. Однако уже в 1999 году репрессии против диссидентов привели охлаждению во взаимоотношениях с ЕС и Канадой. Только в 2002 ЕС открыл официальное представительство в Гаване.

После ухода, по состоянию здоровья, со всех своих постов Фиделя Кастро и избрания главой государства его брата Рауля политическая ситуация на Кубе не претерпела существенных изменений, если не считать таковыми разрешение кубинцам снимать номера в отелях, ранее доступных лишь иностранцам, и пользоваться мобильными телефонами. Рауль Кастро вновь подтвердил решимость кубинского руководства продолжить строительство социализма. Несмотря на подобные заявления властей, большинство экспертов уверено, что в будущем перемены в общественно-политической жизни острова неизбежны. Это объясняется, прежде всего, тем, что помощь, оказываемая Кубе ее латиноамериканскими союзниками, такими как Венесуэла, Боливия и Эквадор не способна привести к кардинальному улучшению катастрофической ситуации в экономике в условиях фактической изоляции от остального мирового сообщества. Кроме того, как показывает исторический опыт, вождистские режимы подобные кубинскому редко переживают своих создателей. Поэтому после ухода с политической арены «героев революции» новая кубинская правящая элита будет вынуждена начать процесс окончательного перевода экономики на рыночные рельсы и демократизацию политической системы.

М.В. Курчанов
**ЛЕВЫЕ ТЕОРИИ РАЗВИТИЯ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ
ДИСКУРСЕ
СОВРЕМЕННОЙ БРАЗИЛИИ**

На протяжении XX столетия интеллектуальное и политическое пространство Бразилии было подвержено значительной фрагментации не только по методологическому, но и идеологическому принципу. Наиболее мощными интеллектуальными течениями являлись экономический национализм, сочетавшийся с этатизмом и популизмом; интегралистские концепции, связанные с традицией континентального европейского фашизма романских стран; левые течения, соприкасавшиеся с умеренными и радикальными трендами политического национализма. Бразилия принадлежит к числу стран влиятельной левоориентированной традицией в рамках экономической теории.

В рамках современной бразильской экономической теории «развитие» является одной из центральных категорий, которая глубоко интегрирована в исследовательский инструментарий. Бразильские экономисты не склонны ограничивать феномен развития исключительно XX столетием. Часть экономических исследований сфокусирована на изучении феномена развития в исторической перспективе.

Бразильский экономист А. Морейра Кунья считает, что научный анализ проблем развития экономики Бразилии возможен в рамках междисциплинарной модели. Из всех экономических школ А. Морейра Кунья отдает предпочтение марксизму, полагая, что «величайшей добродетелью этой теории является возможность понимания специфики различных процессов капиталистического развития, не впадая в крайности выделения общего и частного»¹. В связи с этим А. Морейра Кунья подчеркивает, что в рамках марксизма (под которым он, вероятно, имеет в виду неомарксизм, а не классический марксизм² или те разновидности вульгарного марксизма, которые доминировали в советской экономической теории) открывается возможность ревизии восприятия развития как исключительно технического процесса.

Концепция А. Морейры Куньи основана на неомарксистском девелопментализме, который склонен полемизировать с классическими теориями развития, упрекая их сторонников в неспособности анализировать регионально и исторически детерминированные модели экономического роста. Именно поэтому А. Морейра Кунья предпо-

читает писать не о трансформации и развитии капиталистической модели в целом, а о различных «типах капиталистического развития». А. Морейра Кунья склонен позиционировать развитие бразильской экономики как «историческое движение», состоящие из различных элементов, одни из которых уникальны, а другие имеют много общими с экономическими процессами на территории Европы и Америки.

Таким образом, экономическое развитие Бразилии с исторической точки зрения интегрируется в общемировой процесс становления, развития и функционирования экономики, основанной на капиталистической модели. В этой ситуации развитие Бразилии определяется как «капиталистическое». С другой стороны, А. Морейра Кунья указывает на то, что Бразилия принадлежит к числу стран т.н. «позднего капитализма»³, что вызвано более поздним утверждением капиталистических отношений в качестве доминирующих в национальной экономике в целом. Морейра Кунья полагает, что анализируя проблемы экономического развития Бразилии, не следует радикально отделять колониальный период от периода независимости – Империи и Республики, связанными с развитием капитализма.

В рамках подобного восприятия колониальный этап в истории Бразилии позиционируется как эпоха своеобразной экономической «беременности» капитализмом. По мнению бразильского экономиста, португальская колонизация Бразилии заложила основы капиталистической модели, фактически став «широким движением, направленным в сторону формирования капиталистического способа производства». Морейра Кунья подчеркивает, что именно в колониальный период сложились принципиально важные и значимые для будущего капитализма экономические институты, связанные с развитием торговли.

Трансформация торговли из национальной в международную, межконтинентальную, что было связано с географическими открытиями и началом португальской колонизации, предстает как «часть масштабного процесса, связанного с формированием капиталистического способа производства». Португальская колонизация Южной Америки привела к некоторой либерализации португальцев, создав условия для развития экономической свободы и инициативы, что привело к «коммерциализации» модели существования среднего португальца в колониях.

Подобный процесс зложил основы для мировоззренческого кризиса феодальной системы, которая фактически оказалась не в состоянии конкурировать с «европейской торговой экспансией» и ко-

лонизационными процессами, которые протекали не только по причине экономической необходимости, но и под лозунгами христианизации индейцев, что ставит под сомнение теорию Макса Вебера об исключительной предрасположенности к капитализму протестантских государств. По мнению Морейры Куньи, процесс экономического развития предопределен особенностями и формами существования т.н. «экономической структуры», в рамках которой формируется «система производства, предшествующая капитализму».

Морейра Кунья полагал, что в Бразилии не сложилась классическая капиталистическая модель в силу того, что на протяжении длительного времени Бразилия являлась колонией и ее экономическое развитие было подчинено интересам метрополии. С другой стороны, Бразилия, будучи колонией, сталкивалась с нехваткой рабочей силы, что привело к формированию уникальной модели фактически капиталистической экономики, одним из центральных элементов которой был институт рабства, оказавшего значительное влияние на «экономическую структуру» Бразилии.

Комментируя особенности подобной экономической модели, А. Морейра Кунья подчеркивает, что ее создатели экономически являлись европейцами, склонными к капитализму, но не имевшими иного выхода. В подобной ситуации бразильская экономика развивалась одновременно как капиталистическая и традиционная. При этом Морейра Кунья подчеркивает и то, что именно рабство и связанное с ним расовое смешение оказали значительное влияние на развитие бразильской экономической, политической и культурной модели развития в целом. Согласно концепции А. Морейры Куньи, «экономическая структура» определяет и формирует особенности развития капитализма на региональном, национальном уровне.

Анализируя особенности экономического развития Бразилии в колониальный и имперский период, Морейра Кунья указывает на доминирование преимущественно торговой буржуазии. Морейра Кунья полагает, что колониальная и имперская Бразилия были охвачены «макропроцессом» развития в рамках капиталистической (хотя и периферийной) модели, что привело бразильскую экономику к промышленной революции. С другой стороны, принимая во внимание универсальность капиталистической модели, национальные капитализмы объединены в систему, основанную на «международной интеграции», что оказывает влияние на развитие национальных моделей капитализма. Таким образом, экономическое развитие на национальном уровне связано с международной капиталистической системой, но не является ее примитивным отражением. Морейра Кунья пола-

гает, что принципиально важное значение для развития бразильской экономики имели этатистские эксперименты, связанные с индустриализацией 1950-х годов.

Бразильский экономист Марселу Риденти полагает, что под левым течением в рамках бразильского интеллектуального сообщества следует понимать тех интеллектуалов, которые стремятся своей деятельностью содействовать уменьшению экономического и социального неравенства⁴. По мнению М. Риденти, несмотря на распад СССР и отказ значительной части государств мира от социалистической модели, левые теории экономического развития продолжают сохранять свою актуальность на фоне «тупиковой ситуации, в которую завел мировую экономику неолиберализм».

Бразильские исследователи Э. Бариани и Ж.А. Сегатту полагают, что во второй половине XX века в рамках бразильского интеллектуального сообщества сложился компромисс, связанный с окончательным разделением гуманитарных наук, обретением самостоятельного статуса социологией и экономикой⁵, что привело к формированию национальных бразильских социологических и экономических научных школ⁶. Трансформация гуманитарного знания, основанного на доминировании «правового дискурса», привела к его фрагментации, выделению научных направлений, сфокусированных на изучении «социологического дискурса», который подразумевал и экономический анализ.

Важным стимулом для институционализации прикладных общественных наук, социологии и экономики, стала революция 1930 года, установившая авторитарный режим, который проводил политику экономической модернизации⁷, способствуя, как подчеркивает М. Фила, гипертрофированному усилению роли государства, в том числе – и в экономической сфере⁸. Бразильские левые подчеркивают зависимость темпов экономического развития от политической ситуации. В рамках подобного восприятия Бразилия предстает как «классический случай запаздывающего развития в рамках капиталистической модели»⁹.

Предполагается, что авторитаризм Жетулиу Варгаса стимулировал национализацию и индустриализацию, а военный режим, установленный в 1964 году, оставил демократическим правительствам 1980-х Бразилию, которая перестала быть страной «третьего мира» [Fila]. Необходимость модернизации бразильской экономики значительно стимулировала экономические исследования, связанные с разработкой концепций экономического развития. Именно поэтому центральную роль в понятийном аппарате бразильских экономистов

и социологов во второй половине XX века играли термины, которые обладали принципиальной важностью для бразильского политического класса. По мнению М. Риденти, и бразильские экономисты, и бразильские политики дискутировали вокруг широкого круга вопросов, важнейшими из которых являлись «государственное планирование, индустриализация, модернизация, урбанизация, народ, нация, преодоления бедности и отсталости».

При этом бразильские левые интеллектуалы все же полагали необходимым подчеркивать то, что «доминирующий социальный порядок», который определяется ими как капиталистический, противоречит идеи либерализации общества и реализации гражданских свобод. Именно поэтому М. Фила склонен интерпретировать современный политический режим как лишь «относительную институционализацию демократических свобод». С другой стороны, специфика интеллектуальной ситуации в Бразилии состояла в сохранении междисциплинарного статуса большинства проводимых исследований. В подобной ситуации наиболее динамично развивался синтез социальных наук, экономической теории, политической экономии и антропологии. Не менее важной особенностью функционирования экономических и социальных исследований в Бразилии оказалась их интеграция в сферу принятия и реализации политических и экономических решений.

Проявлением этой интеграции является то, что в процесс рекрутирования политических элит втянуты представители академических кругов¹⁰. Например, президент Бразилии Фернанду Энрике Кардозу до избрания на президентский пост являлся одной из центральных фигур в бразильской экономической науке. Именно поэтому бразильские политики и экономисты консолидировались вокруг концепции «дезенволвиментизму» – бразильского аналога одной из американских теорий модернизации – «девелопментализма»¹¹.

Принцип *desenvolvimentismo* воспринимался как проект преодоления отсталости через индустриализацию. Принятие теории *desenvolvimentismo* фактически является признанием наличия двух измерений в бразильской модели экономического развития – Бразилии как развитой страны с собственной ядерной и космической программой и Бразилии, пребывающей в состоянии имманентной бедности. Анализируя проблемы экономического развития бразильские левые тесно смыкаются со сторонниками кейнсианской модели. Например, Марселу Риденти пишет о принципиально важной роли государства в развитии экономики, указывая на то, что именно государство в условиях «неспособности рынка к решению проблем»

должно стать главным инициатором развития экономики. Универсальной формой экономического развития, как полагает М. Риденти, следует признать политику индустриализации. При этом М. Риденти указывает и на ограниченность теории *desenvolvimentismo*, полагая, что она основана на занижении социальных противоречий¹², являясь лишь социально ориентированной версией политического национализма.

В рамках современного бразильского неомарксистского девелопментализма акцентируется внимание на том, что процесс экономических изменений в виде индустриализации в Бразилии протекал крайне тяжело, что было связано с неоднократными волнами индустриализационных процессов в период Империи и Республики. В подобной ситуации индустриализация в XX веке сталкивалась с препятствиями незавершенных индустриальных циклов более ранних периодов.

Левые концепции *desenvolvimentismo* в современной бразильской экономической теории основаны на примате государства как основного актора в экономических процессах и форматора экономического пространства. Для левых версий «теории развития» характерен значительный общедемократический контент, что вызвано преимущественно политическими истоками подобных школ в современной бразильской экономической науке. Вместе с тем левоориентированный *desenvolvimentismo* тесно пересекается с бразильским национализмом, в отличие от которого воспринимает капитализм не как универсальную модель экономического развития, но как ту систему, в рамках которой вынуждена развиваться бразильская экономика.

¹ Moreira Cunha A. A Colonização e o Desenvolvimento Capitalista do Brasil / A. Moreira Cunha // <http://www.ufrgs.br/decon/>

² Работы Карла Маркса в Бразилии издавались неоднократно. См.: Marx K. Capítulo IV Inédito do O Capital: Resultados do Processo de Produção Imediata / K. Marx. - São Paulo, 1969; Marx K. O Capital: Crítica da Economia Política / K. Marx. - Rio de Janeiro, 1989.

³ О национальных особенностях бразильской модели развития капитализма см.: Furtado C. Formação Econômica do Brasil / C. Furtado. - São Paulo, 1976; Prado Junior C. Formação do Brasil Contemporâneo / C. Prado Junior. - São Paulo, 1969; Prado Junior C. A Revolução Brasileira / C. Prado Junior. - São Paulo, 1966; Prado Junior C. História e Desenvolvimento: a Contribuição da Historiografia para a Teoria e Prática do Desenvolvimento Brasileiro / C. Prado Junior. - São Paulo, 1989.

⁴ Ridenti M. Desenvolvimentismo: o retorno / M. Ridenti // <http://www.acesa.com/gramsci/?page=visualizar&id=1022>

⁵ О процессах фрагментации социо-экономического знания в Бразилии см.: Bastos É.R. Florestan Fernandes e a construção das ciências sociais / É.R. Bastos // Florestan ou o sentido das coisas / org. P.H. Martinez. - São Paulo, 1998. - P. 143 - 156; Chakon V. História das idéias sociológicas no Brasil / V. Chakon. - São Paulo, 1977; Chakon V. Formação das ciências sociais no Brasil / V. Chakon. - São Paulo, 2008.

⁶ Bariani E., Segatto J.A. Ciências sociais no Brasil: ideologia e história / E. Bariani, J.A. Segatto // <http://www.acesa.com/gramsci/?page=visualizar&id=1149>

⁷ О стимулирующем влиянии бразильского авторитаризма на развитие социальных и экономических наук свидетельствуют публикации 1930 - 1940-х годов: Andrade A. Formação da sociologia brasileira: os primeiros estudos sociais no Brasil, séculos XVI, XVII e XVIII / A. Andrade. - Rio de Janeiro, 1941.

⁸ Fila M. Cidadania e experiência republicana no século XX / M. Fila // <http://www.acessa.com/gramsci/?page=visualizar&id=922>

⁹ Carvalho M.A.R. de, Uma reflexão sobre a civilização brasileira / M.A.R. de Carvalho // <http://www.acessa.com/gramsci/?page=visualizar&id=893>

¹⁰ Bariani E., Segatto J.A. Ciências sociais no Brasil: ideologia e história / E. Bariani, J.A. Segatto // <http://www.acessa.com/gramsci/?page=visualizar&id=1149>

¹¹ Ridenti M. Desenvolvimentismo: o retorno / M. Ridenti // <http://www.acessa.com/gramsci/?page=visualizar&id=1022>

¹² Ibid.

Roger P. Davis
**SYSTEMS AND DYNAMICS OF INDIGENOUS
REPRESENTATION***

José Antonio Lucero. Struggles of Voice: The Politics of Indigenous Representation in the Andes. Pitt Latin American Studies Series. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2008. 224 pp. \$65.00 (cloth), ISBN 978-0-8229-4352-5; \$25.95 (paper), ISBN 978-0-8229-5998-4.

This intriguing analysis of the emergence and effectiveness of Andean indigenous organizations in Ecuador and Bolivia integrates both theory and “actually existing” practice toward supporting the hypothesis that indigenous movements represent a democratizing force in contemporary Latin America. Resting on the subaltern foundations of Benedict Anderson’s “imagined communities” and Albert Hirschman’s definition of “voice” as an effort to change rather than escape from objective realities, this study questions theories of collective action and representation, and offers its own analytical device for valuing the emergence of indigenous activism in the late twentieth century.

In his first two chapters, political scientist José Antonio Lucero wrestles with the theories of articulation, organization, and representation. In his thorough review of the scholarship, the author acknowledges the values of the rationalist and structuralist theories of collective action, which emphasize both individual elements of incentives and created spaces of opportunity for action. However, Lucero finds these approaches “static” with regard to social groups, such as indigenous communities, and so insists on a more cultural approach. Endorsing the “bricolage” analytic model championed by Elizabeth Clemens, Lucero employs what he describes as a “pragmatic constructivist framework” emphasizing a historical and comparative approach to identify elements of cultural discourse and the construction of identity. Reviewing the theories of representation from Thomas Hobbs through Michel Foucault, Lucero notes that whether defined as “filters” or “mirrors” the representational forms of populism, corporatism, and clientelism dominate most analysis. Lucero again takes exception, and endorses the concept of “associative networks” as the most effective analytical tool. These nonhierarchical structures, which present themselves with great plurality and flexibility, afford greater opportunities to encompass cultural dialogue and the construction of social organization. Having established his analytical trajectory, Lucero then presents a historical analysis of indigenous relations in Ecuador and Bolivia from independence to the present.

The historical discussion, presented in chapters 3 through 6, is divided into three components. The first reviews indigenous relations from

independence to 1960. The second focuses on the era of the emergence of the indigenous voice from 1960 through 1990. The third section focuses on the neoliberal challenge from 1990 to the present.

In the first component of historical analysis, Lucero highlights the elements of “ethnic administration” and corporatism as hallmarks of this period. As developed by Andrés Guerrero, ethnic administration refers to a local or semiprivate system of “repressive ventriloquist representation” (p. 51). In this regard, across the Andes, such institutions as the Catholic Church, hacienda owners, the state, and a variety of administrators spoke on behalf of and for indigenous communities. The corporate structures of the state recognized but dominated the native collective communities. Indigenous communities were represented through elite ventriloquism and tied to the nation through state-created corporate structures. In Bolivia, the indigenous communities, or ayllus, remained compatible with the export economy and so remained well in place. In Ecuador, the ayllu structure was generally replaced by the encroachment of haciendas. By the mid-twentieth century when the state had ended tribute and legalized and recognized collective holdings, the reforms applied to the relatively few who were outside of hacienda or other elite control. In both countries, the Indian question focused almost exclusively on the highland indigenous communities. Lowland indigenes in the Amazon basin areas were considered “primitive” and left to the civilizing missions of the church. In Bolivia, despite initial appearances, the revolution of 1952 continued both elements of ethnic administration and corporatism. The new revolutionary state captured the ayllu structures, rechristening them “unions” and their members as rural workers or “campesinos” and naming the state as the voice of the worker.

Lucero marks the agrarian reforms of the 1960s as the beginning of indigenous voice. Initially driven by Communist-affiliated organizing, indigenous groups began to challenge hacendado domination and state control. From this early organization anchored in class-based analysis, by the 1990s indigenous groups successfully created new organizations and moved the discourse from class to ethnic identity. Here Lucero is very adept at drawing the sharp contrasts between Ecuador and Bolivia while clarifying the underlying common dynamic. In Bolivia, the discourse shift sharpened the contrast of highland and lowland indigenous movements. Highland initiatives to defend the traditional ayllu, and even return to an Aymara dominant nation, narrowed their appeal. Meanwhile, led by the Guaraní peoples of Cochabamba, and an expanding coca-producing population of “cocaleros,” the lowland organizations created a voice for the “indigenous” which won broader appeal and political support. In Ecuador, successful organization and moves to ethnic discourse marked both regions. Beneath an ethnically and ecologically based concept of “nationalities,” the majority of indigenous groups formed a national federation that commanded broad political support. Lucero notes that despite the contrasts of experiences the emergence of indigenous

terminologies of voice and the capture of significant political roles occurred in both nations.

In the third historical phase, Lucero highlights the surprising compatibility of neoliberal reforms and multiculturalism, which has created opportunities for the further development of indigenous voice. In Bolivia, neoliberalism played this role because it was formally adopted as state policy. In Ecuador, it played this role by emerging as a weak policy agenda and catalyst for national opposition. In Bolivia, the administrations of Paz Estenssoro and Gonzalo Sánchez de Lozada fully restructured the state by privatizing national industries, cutting state spending, and decentralizing the state by delegating 20 percent of the national budget to a vastly expanded municipal structure of government. Accompanying these adjustments, the state legalized indigenous territories, emphasized local control of education, and supported bilingualism and multiculturalism as part of localization. These actions energized local indigenous communities as they formed their own municipalities and expanded their political engagement. That engagement enhanced the emerging power of the cocalero movement and ultimately resulted in the election of Evo Morales to the presidency. In Ecuador, where a united indigenous movement was already a national success, their opposition to neoliberal reforms curtailed most of the program, but that success moved the central indigenous federation into government and into politics of accommodation with other groups, threatening to compromise the authenticity of the indigenous voice of the organization. Simultaneously, indigenous groups on the periphery adopted successful strategies and language of the federation and achieved recognition.

In his concluding chapter, Lucero states that his intention for writing *Struggles of Voice* was "to make a case for pragmatic, historically grounded constructivist analysis" and that his review of "the particular histories of indigenous communities, regions, and political institutions has revealed important patterns of indigenous political voices" (pp. 177, 178). He has done a masterful job of accomplishing these ends. However, he also states that "it has been one of the core assumptions and arguments of this book that indigenous movements represent a democratizing force in contemporary Latin America" (p. 189). In this regard, the study offers little more than the assumption. The impressive information and analysis of indigenous organization, representation, and voice are compelling for those purposes, but lacking is the analysis of democratic theory and practice in Latin America and the placement of all of the dynamics presented here within that context.

As with many dissertations turned into books, the construction and overall writing in this volume tends to be somewhat awkward and forced, and many items are needlessly restated. The early chapters maintain the essential jargon of the discipline which obscures clarity for a more general audience. Overall, however, this is an excellent presentation of significant research and analysis which clearly advances the discussion of

contemporary indigenous experience. *Struggles of Voice* deserves to become a staple of graduate study, which may extend the analysis to other Andean regions beyond the two highlighted in this work. Finally, I look forward to the companion piece that carries the discussion into democratic practice in Latin America.

¹ Публикуется по: <http://www.h-net.org/reviews/showrev.php?id=25194>

Marc Becker
COLONIAL POVERTY*

Cynthia E. Milton. The Many Meanings of Poverty: Colonialism, Social Compacts, and Assistance in Eighteenth-Century Ecuador. Stanford: Stanford University Press, 2007. xxi + 356 pp. \$65.00 (cloth), ISBN 978-0-8047-5178-0.

In 1931, Augusto Egas, the director of the Junta Central de Asistencia Pública in Quito, Ecuador, complained in his annual report that indigenous unrest on the agency's haciendas threatened to undercut their work with the "truly poor." When I came across this remark while conducting my dissertation research, I read it as a revealing comment on the deep geographic and class divisions in Ecuador. To fund hospitals and orphanages for needy whites and mestizos in urban areas, a social welfare agency exploited the labor of rural indigenous workers on landed estates that a liberal government had expropriated from the Catholic Church. Egas trampled on the rights of what were arguably the most dispossessed and marginalized members of society in order to provide resources to those closer to his social class. I interpreted his perspective as typical urban white elite ignorance and disdain for rural indigenous realities,

Cynthia E. Milton's book *The Many Meanings of Poverty* adds an additional layer of explanation to Egas's interpretation of who comprised the "truly poor." In a richly detailed and thoroughly researched scrutiny of the various faces of poverty in late colonial Quito, Milton examines how society drew distinctions between the deserving and not-so-deserving poor. In addition to racial and class divides, Milton points to colonial social constructs that appeared to linger in Egas's twentieth-century ideas of who were the worthy or "truly poor."

Milton's central argument is that colonial structures required different meanings of poverty, and that as socio-racial hierarchies came under pressure in the late colonial period these meanings of poverty began to change. Changes in views toward poverty, in turn, changed governmental policies. The right of poor people in the colonial period to solicit alms was never questioned, but debates revolved around an issue of whether this should be a religious charity (*caritas*) or governmental social welfare program (*beneficencia*) function. Under Bourbon rule, the government increasingly took over these functions that previously had been held under the domain of the church. Although Milton does not trace this discussion beyond the colonial period, it is not hard to see a rather direct genealogy to Egas's social welfare agency that originally was known as the Junta de Beneficencia.

At a risk of overly simplifying Milton's lengthy and complex argument, colonial elites made a distinction between the economic and

social poor. The "false" or unworthy poor may be economically destitute, as with the Indigenous laborers on Egas's twentieth-century estates, but they were not from a socio-racial category worthy of appealing to religious or governmental resources. In contrast to the economic poor were the social poor. While not necessarily destitute, widowhood or other misfortune pushed these of a previously privileged socio-racial status into economic discomfort. They were worthy ("truly poor," in Egas's view) because their poverty did not result from their laziness or racial inferiority (as with the miserable or wretched poor, including Indigenous workers on Egas's haciendas). Among the "many meanings" of poverty, then, were these worthy poor for whom poverty meant living below their social expectations as defined through gender, racial, and class considerations. They ably parlayed their perceived rights into pensions, and in this way shaped colonial governing policies.

Milton includes fascinating discussions of the survival strategies of the economic poor, including migration, pawning, and social networks. In addition, Milton examines how theft became a survival strategy (or what some current activists would see as the criminalization of poverty). As Milton notes, "poverty pushed people to take extralegal measures to make ends meet" (p. 47). Poorhouses were part of these survival strategies, as the "wretched poor" became direct targets of state policies. Poorhouses were the first attempt at state intervention, but in the end Milton notes that these policies failed to remove paupers from the streets or abate public ills.

Milton analyzes how the categories between the deserving and wretched poor began to blur in the late colonial period, with the wretched "undeserving" poor gaining access to resources meant for the respectable poor. Before 1780, Milton observes, race mattered but was never mentioned. After Tupac Amaru's revolt, the reverse increasingly became true. Race was repeatedly mentioned in petitions but no longer was so determinant in government actions. Moving from a racial to class basis changed meanings of the miserable or wretched poor. Increasingly, the economic poor used the same tropes as the social poor, though as would appear in Egas's twentieth-century comments these distinctions never completely disappeared. In what to me seems to be a stretch in her argument, Milton states that when the "deserving poor" began to include both the economic and social poor, it strained "the imagined social boundaries upon which colonial rule rested" (p. 214).

Several times throughout the text, Milton mentions a saying that the poor will always be with us without recognizing or acknowledging its biblical roots. While a biblical exegesis would be well beyond the purpose or intent of this review, conservatives use Jesus's comment in Matthew 26:11 as a justification to maintain a fundamentally unjust social order. In fact, this is my main complaint of Milton's book. Although perhaps not an intentional omission, Milton never questions the existence of poverty. She fails to examine social structures that result in (economic) poverty, nor does she interrogate the unequal distribution of resources. In the twentieth

century, it was Indigenous workers who questioned this inequality that led to Egas's denunciation of them as an unworthy poor.

This leads me to a secondary and perhaps unjustified complaint of Milton's exclusive focus on the urban center of Quito. Although Indigenous peoples are by no means absent in this book (as in the twentieth century, Indigenous migrants to Quito are a key example of an unworthy poor), the discussion never extends to rural Indigenous communities. I imagine that in the colonial period, as in the twentieth century, there was a complete absence of either *caritas* or *beneficencia* in rural areas, but this absence could provide a basis for a still deeper interrogation of the many meanings of poverty in colonial Ecuador that Milton so ably examines.

Even with these limitations, Milton aptly uses poverty as a lens through which to view changes in state structures. Her extensive use of archival sources, detailed analysis, and careful tracing of social and policy changes under Bourbon rule will make this an important and valuable book for specialists on late colonial Quito.

^{*} Публикуется по: <http://www.h-net.org/reviews/showpdf.php?id=24989>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАРИАНИ Эдисон – Д-р социологии, Universidade Estadual Paulista, Сан-Паулу, Бразилия

БЭККЕР Марк – Д-р философии, Truman State University, США

ДЭЙВИЗ Роджэр – Д-р философии, University of Nebraska-Kearney, США

ДАРКИНА Анна Владимировна – аспирантка факультета международных отношений Воронежского государственного университета

КАШКИНА Елена Викторовна – к.и.н., Воронежский государственный университет, факультет романо-германской филологии

КИРЧАНОВ Максим Валерьевич – к.и.н., Воронежский государственный университет, факультет международных отношений

ПОГОРЕЛЬСКИЙ Александр Валерьевич – к.и.н., преподаватель Воронежского Государственного Архитектурно-Строительного Университета

РИДЕНТИ Марселу – Д-р социологии, Universidade Estadual Paulista, Сан-Паулу, Бразилия

СЕГАТТУ Жозе Антониу – Д-р философии, Universidade Estadual Paulista, Сан-Паулу, Бразилия

СЛИНЬКО Александр Анатольевич – д.полит.н., профессор, заведующий кафедрой международных отношений и регионоведения факультета международных отношений Воронежского государственного университета

ХЕЙФЕЦ Виктор Лазаревич – к.и.н., доц., заведующий кафедрой мировой экономики и международных отношений ИМ-БИП СПбГУ ИТМО

ХЕЙФЕЦ Лазарь Соломонович – профессор кафедры американских исследований факультета международных отношений СПбГУ

Научное издание

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник статей памяти С.И. Семенова
Составители: А.А. Слинко, М.В. Кирчанов

Выпуск 5

На русском, португальском и английском языке
Публикуется в авторской редакции

Подписано в печать 14.XII.2009 г.
Тираж 100

394000, г. Воронеж,
Воронежский государственный университет
Московский пр-т, 88, корпус № 8
Факультет международных отношений
8 (4732) 39-29-31, 24-74-02